

Я должна притвориться своей сестрой,
чтобы спасти себе жизнь...

СКАРЛЕТ и АЙВИ

**ДНЕВНИК ПРОПАВШЕЙ
СЕСТРЫ**

СОФИ КЛЕВЕРЛИ

Софи Клеверли
Дневник пропавшей сестры
Серия «Скарлет и Айви. Тайны и
загадки Руквудской школы», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67412474
Дневник пропавшей сестры: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-167169-3

Аннотация

Великолепный английский детектив в антураже загадочной и зловещей школы-интерната. История сестер-близняшек, которым предстоит разобраться в тайнах и загадках своего учебного заведения и противостоять демонической директрисе мисс Фокс.

После смерти Скарлет Айви привозят в Руквудскую школу и заставляют притворяться своей сестрой. Айви понимает, в школе происходят очень странные вещи, а ученицы так напуганы, что не смеют и слова сказать. Обнаружив страницы из дневника Скарлет, Айви начинает собственное расследование. Но жизнь девочки под угрозой, ведь мисс Фокс не дремлет...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	33
Глава пятая	45
Глава шестая	58
Глава седьмая	73
Глава восьмая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Софи Клеверли

Дневник пропавшей сестры

Sophie Cleverly

SCARLET AND IVY. THE LOST TWIN

© Мольков К. И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Маме и папе, благодаря которым все становится возможным. Эду, вместе с которым у нас есть все, к чему можно стремиться.

Глава первая

Это история о том, как я стала своей сестрой.

Я хорошо запомнила, что то письмо пришло первого сентября, как раз на следующие сутки после нашего с сестрой тринадцатого дня рождения. Моего тринадцатого дня рождения. Первого дня рождения, который я не смогла отпраздновать вместе с сестрой-близнецом Скарлет.

Проснувшись, я оделась и спустилась из своей спальни на нижний этаж дома моей тетушки Фебы, вдыхая запах жарящегося бекона. Яркое утреннее солнце уже начинало прогревать воздух. Судя по всему, впереди нас всех ждал прекрасный день.

Выйдя с затененной лестницы в залитый светом холл, я сразу же увидела его – белый конверт, лежащий на каменном полу.

В первый момент я подумала, что это еще одна запоздавшая поздравительная открытка к моему дню рождения. Еще одна? Если честно, в этом году я получила единственную поздравительную открытку, и ту от моей тетушки, в доме у которой я сейчас жила. На открытке было написано только мое имя, и от этого у меня сразу защемило сердце.

Итак, я подняла с пола письмо и повертела его в руках.

Скарлет любила присылать мне «секретные послания», но запечатывала письма так небрежно, что вскрыть любое из них не составляло никакого труда – подуй на конверт, он и расклеится. Письмо, которое я подняла с пола, было плот-

но заклеено, а сверху скреплено еще и сургучной печатью. Адресовано оно было моей тетушке, но я подумала, что следует его открыть. Дело в том, что тетушка Феба несколько не возражает против того, чтобы я читала ее почту. Скажу больше, это даже необходимо, чтобы я ее читала – если этого не сделать, на столике в прихожей будет пылиться груда невскрытых писем.

Я прошла на кухню, присела на один из расшатанных хлипких стульев. Прежде всего я внимательнее рассмотрела печать на конверте – на черном сургуче отпечаталось выпуклое изображение птицы, сидящей на верхушке дуба. Под печатью стоял темный чернильный штамп со словами: «Руквудская школа».

Руквудская школа. Школа, в которой училась Скарлет. Зачем они написали тетушке Фебе?

Я взяла со стола нож для масла и вскрыла конверт.

«Миссис Фебе Грегори

Блэкберд коттедж

Долина Брэмли

30 августа 1935 г.

Уважаемая миссис Грегори,

поскольку Вы являетесь опекуном Айви Грей, я информирую Вас о том, что вследствие неблагоприятных обстоятельств в нашей школе освободилось место, которое может занять Ваша племянница. Деньги за весь предстоящий учебный год перечислены, и Айви должна приступить к занятиям

*так скоро, как только это будет возможно. За ней
будет послана преподавательница, которая заберет
Айви и лично посвятит Вас во все детали.*

С уважением,

Эдгар Бартоломью, директор школы».

Я отшвырнула письмо так, словно оно обжигало мне пальцы. «Неблагополучные обстоятельства»! Да как они смеют вот так говорить о смерти моей сестры?

Я сидела и смотрела на лежащее у моих ног письмо, а в моей голове один за другим теснились все новые и новые вопросы. Меня хотят принять в Руквудскую школу. Меня, которую провалили на экзаменах в отличие от покойной сестры-близнеца. Почему? Неужели у них нет сотен других девочек, каждая из которых гораздо больше заслуживает места в этой школе, чем я? Наверняка есть. Тогда зачем им я?

Только тут я вдруг почувствовала, что в воздухе пахнет уже не жареным беконом, а пригоревшим. А еще точнее, совсем сгоревшим.

Я вскочила, бросилась к железной печке, на ходу разгоняя едкий дым ладонью. Сковороду с огня я сняла, но было уже поздно – от бекона остались одни угольки.

Очевидно, посреди подготовки тетушка Феба унеслась куда-то мыслями, замечталась. Это с ней постоянно случалось, я давно уже и удивляться перестала. Я выглянула в окно кухни и увидела тетушку сидящей на скамейке в нашем садике – руки аккуратно сложены на коленях, голова слегка запроки-

нута назад, глаза мечтательно смотрят куда-то вдаль. Нет, я никогда не смеялась над тетушкой Фебой, я ее жалела. Муж тетушки погиб во время мировой войны, оставив после себя лишь набитый книгами кабинет и маленькую пенсию, которую ей назначило за него государство. После гибели мужа тетушка Феба стала словно сама не своя, наверное, слегка умом тронулась.

Я подняла с пола письмо и выскочила во двор. Хотя под моими шагами громко хрустел гравий, которым была посыпана дорожка, даже это не вывело тетушку Фебу из задумчивости. Теперь она смотрела уже не в небо, а внимательно наблюдала за плававшей в маленьком пруду золотой рыбкой. По поверхности пруда разбегались кругами легкие волны, ослепительно блестели на солнце золотистые чешуйки.

– Тетушка Феба?

– А, это ты, Айви, – ответила она и, мельком взглянув на меня, снова уставилась в воду. – Не заметила, что ты здесь, дорогая.

– Вам пришло письмо от... – начала я, но тетушка прервала меня, потому что письмо совершенно ее не волновало:

– Скарлет любила эту рыбку, правда? Я помню, что когда вы с ней были совсем маленькими, она часто становилась на колени возле пруда и строила гримасы своему отражению. Всегда говорила, что это еще одна ее сестра-близнец, и она даже бóльшая плакса, чем ты, – вон, вся мокрая от слез!

Я грустно улыбнулась. Да, это было совершенно в духе

Скарлет, она всегда умела уколоть кого угодно, и меня в первую очередь. Впрочем, я никогда на нее не обижалась. Старалась не обижаться, во всяком случае.

До самых родов мама была уверена, что носит одного ребенка, но вслед за Скарлет на свет неожиданно появилась я – маленькая, слабенькая копия своей сестры. Мы со Скарлет оказались так называемыми зеркальными двойниками. Так, например, у нас были одинаковые родинки на одних и тех же местах, только по разные стороны тела. А еще я была левшой, а Скарлет правшой. Муж тетушки Фебы, доктор Грегори (тот самый, погибший потом на войне), как-то однажды сказал мне, что у нас с сестрой и сердца, наверное, перевернуты в разные стороны. Короче говоря, я была ожившим зеркальным отражением Скарлет.

Я присела на скамейку рядом с тетушкой Фебой. Меня ничуть не удивляло то, что она думает о Скарлет. Моя сестра всегда была любимицей у всех – смелая, решительная, общительная. А я что? Я всегда была просто Айви, застенчивой, робкой занудой Айви. Внешне я была зеркальным отражением Скарлет, но при этом меня с полным основанием можно было назвать и ее тенью.

– Прости, – вздохнула тетушка Феба. – Никак не могу поверить...

– Я понимаю, – сказала я.

Если честно, я и сама не понимала и тоже не могла поверить в то, что Скарлет умерла. Не понимала, как могла по-

кинуть этот мир моя до краев налитая жизненной энергией сестра. Не понимала, почему Бог, если он есть там, Наверху, забрал ее, а не меня, и зачем вообще подарил мне сестру-близнеца, чтобы так быстро разлучить нас навеки?

И вообще я не понимала, как может существовать после смерти Скарлет весь наш мир, почему он до сих пор не развалился на куски?

– Вам письмо пришло, – повторила я, помахивая в воздухе конвертом.

– А? – очнулась тетушка Феба. – И что в нем пишут?

– Они хотят, чтобы я приехала в Руквудскую школу и заняла место Скарлет.

– Черт побери! – удивленно подняла брови тетушка Феба. – Это большая честь, ведь Руквудская школа – одна из самых престижных в стране, разве не так?

Руквудская школа. Место, где несколько месяцев тому назад, перед самым началом лета, умерла Скарлет. Нам сказали, что это была скоротечная болезнь, то ли грипп, то ли воспаление легких, то есть нечто такое, что ни предвидеть нельзя, ни предотвратить. О смерти сестры мне рассказала моя мачеха, рассказала спокойно, как о чем-то незначительном, а я разрыдалась так, словно рухнул весь окружавший меня мир.

Нет, мне не хотелось ехать в эту школу, какой бы престижной она ни была. Ни сейчас не хотелось туда ехать, ни когда-либо вообще там оказаться.

Я посмотрела на свою тетушку, в ее доброе, обрамленное седеющими прядями лицо.

– Твой отец уже согласился на то, чтобы ты туда переехала? – спросила тетушка.

Я вздохнула. Судя по письму, отец дал свое согласие, даже не поставив меня в известность, и это, к сожалению, очень похоже на него.

– Наверное. В письме сказано, что за меня полностью заплачено за весь учебный год.

– В таком случае это решенный вопрос, моя дорогая, – сказала тетушка Феба.

Я на это ничего не ответила.

– Ладно, посиди тут одна, подумай обо всем, – безмятежно кивнула головой тетушка Феба, поднимаясь на ноги. Затем она направилась прочь, мимо туалета, по садовой дорожке, дошла до грядки с овощами и принялась пропалывать на ней сорняки, негромко напевая что-то себе под нос и вновь улетев мыслями в какие-то иные, известные только ей одной миры.

Я чувствовала себя беспомощной, меня, словно попавшую в водоворот щепку, медленно тянула к себе Руквудская школа, место, которого я никогда не видела, но, тем не менее, смертельно боялась.

«А может быть, все не так уж плохо, – пыталась я убедить саму себя. – Опять-таки новая ступенька в жизни, новые подруги». И, наконец, Скарлет всегда говорила, что была бы

рада учиться в этой школе вместе со мной. Приехав туда, я словно бы стану ближе к своей сестре, не так ли?

И тут я неожиданно разрыдалась, вытирая тыльной стороной ладони текущие по щекам слезы. Кого я пытаюсь обмануть? Саму себя? Ведь меньше всего на свете мне хотелось очутиться в том месте, где Скарлет... При одной мысли о том, что там случилось со Скарлет, у меня темнело в глазах.

Я снова отшвырнула письмо, и на этот раз оно упало в траву.

Тетушка Феба подняла голову, а я свою обхватила ладонями, слушая, как хрустит гравий под шагами тетушки, идущей ко мне с пучком мятых одуванчиков в руке.

– Ах, Скарлет, – сказала она, глядя куда-то поверх моей головы своими пустыми глазами. – Я уверена, что тебе будет хорошо в этой школе. Конечно, я буду ужасно скучать по тебе, но ты же прекрасно справишься со всем сама, разве нет?

Тетушка Феба даже не заметила, что оговорила и назвала меня Скарлет.

А насчет того, что я прекрасно справлюсь со всем сама, у меня были очень большие сомнения.

Глава вторая

Следующий день выдался солнечным и жарким. Это был один из тех немногих дней в начале сентября, когда невозможно поверить в то, что лето уже заканчивается, безвозвратно уходит прочь. Я лежала на спине, на прогретом каменном краю пруда, читала потрепанный экземпляр «Джейн Эйр» и изо всех сил старалась не думать о надвигающейся на меня катастрофе, имя которой – Руквудская школа.

Время от времени я поворачивалась, чтобы взглянуть на свое зеленоватое отражение на поверхности пруда, и каждый раз этого почти хватало, чтобы вообразить, будто Скарлет здесь, рядом со мной.

Почти хватало.

– Айви! – долетел до меня голос тетушки Фебы, стоявшей у задней двери нашего дома.

От неожиданности я подскочила так, что едва не уронила в пруд свою книжку.

– Айви! – снова крикнула тетушка, теребя бледными пальцами края своего фартука и словно не замечая того, что я смотрю прямо на нее.

– Да? – откликнулась я.

– У нас... посетительница. Приехала учительница из школы.

Так быстро? Я совершенно не была к этому готова. Впрочем, вряд ли я вообще была бы к этому когда-нибудь готова. Я медленно, неохотно подошла к дому, осторожно ступая босыми ногами по острому гравию.

– Это леди, – многозначительно добавила тетушка Феба, мягко подталкивая меня в спину.

Я вошла на кухню. Приехавшая леди оказалась высокой, тощей и одетой в длинное черное платье, которое, казалось, было ей велико размера на три, а то и на четыре. Мне сразу бросилось в глаза огромное количество карманов на этом платье. Лицо у леди было вытянутым, заостренным книзу, темно-каштановые с сильной проседью волосы стянуты в тугой пучок, уложенный на макушке и утыканный блестящими шпильками. Не могу сказать, что мне понравилось лицо нашей посетительницы, тем более что и сама леди смотрела на меня с таким кислым выражением, будто ей муха в рот попала.

– Айви Грей? – спросила она.

– Да, – растерянно откликнулась я.

– Да, мисс, – поправила меня леди. – Я надеюсь, вы получили наше письмо?

– Да... мисс, – осторожно кивнула я, наблюдая за тем, как леди огибает кухонный стол. По дороге она провела пальцем по столешнице и принялась с отвращением рассматривать, остался ли он чистым.

– Хорошо. Тогда собирайся, поедешь вместе со мной в школу.

– Как? – ошеломленно заморгала я глазами. – Прямо сейчас? Так вот прямо?..

– Да, прямо сейчас, – нахмурилась леди и сложила на гру-

ди свои костлявые руки. – Учебный год начинается, поэтому ты должна уже быть в школе.

Я обернулась, увидела свою тетушку, стоявшую с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Тетушка Феба, – умоляюще взглянула я на нее.

– Прошу прощения, – сказала она учительнице, а меня потянула за дверь и там тихо сказала, приблизив лицо ко мне: – Послушай, дорогая, эта леди выглядит довольно строгой, но пойми, это очень хорошая школа, и порядки в ней тоже, наверное, строгие, но...

– Тетушка Феба, – прошептала я в ответ. – Я думала, у меня будет больше времени. – Если честно, меня волновало, как моя тетушка будет жить здесь одна, без меня. – И потом, а как же вы?

– Ну, обо мне ты можешь не беспокоиться, со мной все будет хорошо, – беззаботно откликнулась тетушка.

Я обернулась, чтобы взглянуть сквозь открытую дверь на нашу страшную тощую непрошеную гостью. Учительница смотрела на меня прищуренными глазами и нетерпеливо постукивала по полу носком туфли.

– Я не могу ждать тебя до вечера, – надменно сказала она мне. – Иди и собери свои вещи.

Учительница взмахнула рукой, указывая на лестницу, при этом во всех ее карманах что-то зазвенело и забренчало.

Скарлет бы не смутил ни тон, ни постукивание по полу ножкой, плевать она хотела на это. А я... Что ж, я не такая,

как моя сестра. Я сделала то, что мне приказано, и побрела вверх по лестнице в свою комнату.

Поднимаясь по лестнице, я то и дело передергивала плечами от страха, который нагнала на меня та ужасная, оставшаяся на кухне женщина.

Не знаю, для кого предназначалась комната на втором этаже, в которой я жила, но этот «кто-то» был явно намного меньше меня. Потолок здесь нависал над самой моей головой, а единственное окошко с деформированным стеклом находилось почти у самого пола. Когда я переехала жить к тетушке Фебе, первое время мне было очень одиноко в этой комнате, но теперь она стала для меня родным домом и покидать ее не хотелось до слез.

Я вытащила из-под кровати свою синюю дорожную сумку и спешно покидала в нее пожитки, которых у меня было совсем не много: расческа, туалетные принадлежности, металлические заколки для волос, тетрадки, чернильница, несколько книг и тоненькая нитка жемчуга, доставшаяся мне в наследство от нашей матери, Эммелины. Она умерла сразу после того, как родила на свет меня и Скарлет, так что мы обе совершенно ее не знали. Если бы мама была жива, то, может быть, жива была бы сейчас и Скарлет.

Затем я бросила в сумку белье и свое лучшее платье, от которого сильно пахло лавандой, которой тетушка Феба пересыпала от моли ящики в своем гардеробе. Я понимала, что это платье мне, скорее всего, не понадобится, что в Руквуде

я должна буду носить школьную форму, но все равно взяла его. Еще я взяла свою одежду для занятий балетом – кремовое трико и юбку, черное трико и юбку, добавила к этому завернутые в тонкую пергаментную бумагу розовые балетные туфельки – пуанты. Они были совсем новенькими, и я очень надеялась, что послужат мне еще хотя бы пару-тройку месяцев.

Вот, собственно, и все. Как видите, собрать мои пожитки было несложно.

Однако хотя вещей у меня было совсем немного, без них моя комната сразу стала выглядеть пустой и печальной. Какой-то неживой. Я присела на кровать и принялась зашнуровывать свои высокие башмаки, уставившись в пол и стараясь убедить себя в том, что все будет хорошо.

«Все в порядке. Тебе совершенно нечего бояться. Место, куда ты едешь, – это школа. Всего лишь школа».

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула. Затем поднялась, подхватила сумку и поплелась вниз по ступенькам.

– Ты уже собралась? – спросила тетюшка Феба. – Я не сомневаюсь, что миссис... мисс... простите, как вас зовут, вы сказали?

– Мисс Фокс, – резко ответила учительница.

– Да, так вот, я не сомневаюсь, что мисс Фокс присмотрит за тобой. – Тетюшка подняла голову, встретила со мной взглядом, положила руку мне на плечо и ободряющим тоном сказала: – Мы вскоре увидимся с тобой, Айви, девочка моя.

Потом тетушка поцеловала меня в лоб, а я ответила ей:

– Я тоже на это надеюсь, – и добавила, выдавив на своем лице улыбку: – Не скучай. Я тебе напишу.

– Заканчивайте, у нас нет времени на эти нежности, – сказала мисс Фокс, еще громче пристукивая по полу носком своей туфли. – Машина ждет.

Я вздрогнула, поморщилась, крепче ухватила сумку и вышла вслед за мисс Фокс на ярко освещенную солнцем улицу.

– До свидания, дорогая, – долетел до меня голос тетушки.

– До сви... – я не успела договорить, как меня уже запихнули в заднюю дверцу припаркованного возле нашего дома автомобиля – роскошного и дорогого на вид.

Внутри машины пахло кожаными сиденьями и сигарой, которую курил шофер.

– Выпрямись, – не глядя на меня бросила мисс Фокс, забираясь на переднее сиденье рядом с водителем.

– Простите, мисс?

Она повернула голову и посмотрела на меня как на паршивую овцу.

– Выпрямись, когда сидишь в моем автомобиле. Не заваляйся и старайся не елозить, сиденья испачкаешь.

Я послушно выпрямилась, сложила руки на коленях и хотела было спросить:

– А сколько нам ехать до...

Договорить мне мисс Фокс не дала, оборвала резким тоном:

– Молчать! Терпеть не могу пустой болтовни, у меня от нее мигрень начинается.

Мягко заурчал мотор, запахло бензином, из-за чего я закашлялась, а мисс Фокс, не оборачиваясь, сердито фыркнула.

Меня прижало к спинке сиденья, и теперь я видела перед собой только задний край клетчатой кепки водителя и завитки седых волос у него на затылке.

Мы покатили вперед. Я обернулась, взглянула в заднее окно машины и увидела тетушку Фебу – она стояла на крыльце и печально махала рукой мне вслед. Фигура тетушки стремительно уменьшалась, убегала вдаль и вскоре совершенно пропала в блеске пробивавшихся сквозь кроны придорожных деревьев солнечных лучей.

Я отвернулась от заднего окна машины и увидела в висевшем над ветровым окном зеркальце свое отражение: покрасневшие глаза, в которых стояли слезы.

Глава третья

Наш автомобиль плавно катил по загородным узким дорогам. Мисс Фокс неподвижно застыла на переднем сиденье, по-моему, даже не моргала, глядя в лобовое стекло перед собой. Я же, несмотря на запрет, елозила на месте, размышляя над тем, почему мисс Фокс решила сесть не со мной, а на переднем сиденье. Может быть, я была настолько безразлична учительнице, что ей просто не хотелось разговаривать со мной? Ну, мне, между прочим, тоже этого не больно хотелось. Несколько раз она оборачивалась, чтобы взглянуть на меня, и я поспешно отводила взгляд в сторону и ждала, когда же мисс Фокс отвернется и я снова смогу погрузиться в свои мысли, глядя на проносящийся за окном машины мир.

А мир этот до краев был наполнен Скарлет. О ней мне напоминала каждая мелочь, каждая деталь пронесившегося за стеклом пейзажа. Вон забор промелькнул. Скарлет всегда перемахивала через любой забор смело, с разбега, не раздумывая, я же осторожно, неуклюже перелезала через верх, чтобы потом мешком свалиться на землю. А вот кусты. Скарлет любила срывать с кустов листья, а затем рвать их на мелкие-мелкие кусочки. У нее была такая привычка. А еще Скарлет любила подолгу с улыбкой смотреть в небо, выискивая в плывущих по нему облаках фигуры или даже целые картины и показывать их мне. Я, в отличие от сестры, находить такие фигуры никогда не умела – наверное, потому, что у меня слабое воображение.

Хуже всего мне стало, когда я заметила двух игравших в саду девочек. Вполне возможно, они были сестрами. Вот тут воспоминания нахлынули на меня лавиной – теснились, стремительно сменяли друг друга, а потом вдруг отступили на задний план, оставив впереди лишь одно воспоминание. Это было воспоминание о том дне, когда Скарлет уезжала в Руквудскую школу...

Мы стояли на лужайке, каждая со своей дорожной сумкой в руке. Скарлет была уже в школьной форме, я в своем повседневном розовом платье.

Отец хотел, чтобы мы со Скарлет, как он говорил, «получили хорошее образование и стали настоящими леди». Но Скарлет выдержала вступительные

экзамены и получила бюджетное место в престижной Руквудской школе, а меня туда не приняли, хотя я всегда училась лучше, чем сестра. В итоге было решено, что Скарлет отправится в Руквуд, а я к тетушке Фебе. На прощание отец помахал нам рукой, в которой держал стаканчик с виски. Наша мачеха вообще не вышла нас провожать, лишь поморищилась, поправила свой фартук и поспешила к своим родным сыновьям, нашим сводным братьям.

Возможно, отправить меня к тетушке Фебе казалось нашим родителям разумным решением, однако тетушка, что уж там скрывать, была, что называется, «женищиной со странностями» – очень рассеянной и слегка не в себе. О чем она думает и что она сделает в каждую следующую минуту, можно было лишь гадать.

А вот о чем думает Скарлет, пока мы стоим с ней на этой лужайке с дорожными сумками в руках, я отлично знала. Ей очень хотелось, чтобы мы вместе учились в одной школе, чтобы ни ей не быть одной, ни мне. Да, я знала, что именно об этом она думает, потому что и сама думала о том же. А потом я разревелась, как маленькая, размазывая по щекам слезы.

– Не переживай так сильно, Айви, – сказала Скарлет, беря меня за руку. – Я буду писать тебе. Каждую неделю. И ты тоже будешь мне писать. А потом я окончу школу, и мы с тобой обе станем красавицами-актрисами или прима-балеринами и еще

большие прославимся потому, что мы близняшки. И тогда мы поедem с тобой в Америку, и все-все в мире захотят дружить с нами.

После этого я заплакала еще сильнее, потому что Скарлет все это говорила, как всегда, понарошку – как же мне будет не хватать смешной ерунды, которую постоянно придумывает моя сестра! При этом мы с ней обе знали, что мне никогда не стать знаменитой. И в Америку я не поеду, и меня любить все-все-все не будут, и в друзья ко мне набиваться тоже.

Если и ждала кого-то из нас подобная судьба, то не меня. Только Скарлет могла достаться такая судьба.

Я вытерла слезы и подтянула ноги на сиденье – осторожно, рискуя нарваться на строгое замечание мисс Фокс. Она ничего не заметила, и я калачиком свернулась на кожаных подушках, чтобы вновь с головой погрузиться в воспоминания. И они хлынули чередой.

Вот Скарлет сооружает из одеял крепость, чтобы защитить своих кукол от орды диких викингов. Орда диких викингов – это я. Хилая, нужно признать, орда.

А вот Скарлет оставляет знаки, по которым нужно искать пасхальные крашеные яйца, которые она спрятала у нас в саду. Если эти яйца первыми находили наши сводные братья, они тут же разбивали их.

Вот Скарлет сотню раз проводит по своим волосам расческой, после чего просит меня их заплести.

А вот Скарлет что-то записывает в своем дневнике,

от усердия высунув язык.

Моя сестра всегда вела дневник, записывала в него каждое случившееся в ее жизни событие, даже самое незначительное. Лично я никогда не видела в этом особого смысла, но Скарлет любила повторять, что если не записывать того, что случается, то все эти события исчезнут, потеряются навсегда и о них больше никто не вспомнит.

А если я на это возражала и говорила, что сама буду обо всем помнить, Скарлет лишь смеялась в ответ.

Я начала нервно щипать строчку сиденья. Вот Скарлет на моем месте не стала бы ничего бояться. Бровью не повела бы и начала спокойно и настойчиво задавать вопросы, на которые хотела получить ответ. Но я не она, я Айви Грей, которая вопросов никогда не задает. Я Айви Грей, которая всегда делает то, что ей сказано.

– Прекрати немедленно! – шикнула на меня мисс Фокс. – И сядь нормально!

Я подняла голову, но мисс Фокс уже успела отвернуться.

Скарлет на моем месте не промолчала бы. Она, пожалуй, могла бы и сцену закатить, например, начала бы бить ногами по сиденью и раздирать его дурацкую строчку до последней нитки.

Но я Айви, и я сделала то, что мне приказали.

Вскоре дорога стала шире, по ее сторонам чаще замескали дома. Я успела рассмотреть темноволосого мужчину,

он что-то копал в своем садике, а сейчас остановился, чтобы вытереть вспотевший лоб носовым платком. Бородой он походил на моего отца, и я внезапно испытала укол совести, вспомнив о том, что уже несколько месяцев не говорила с ним. Как я предполагала, он работал в Лондоне не покладая рук и не зная выходных, поскольку жизнь в стране только-только начинала налаживаться после недавнего Великого экономического кризиса.

Нельзя сказать, что мы с отцом были так уж близки, нет. Когда мы жили одни, он часто бывал вспыльчивым, то и дело кричал на нас со Скарлет. А потом у нас в доме появилась мачеха, и отец очень сильно изменился. Скарлет, кажется, была только рада этому, и она так никогда и не смогла понять, почему отца, который постоянно кипит и кричит, я предпочитала отцу, который часами не произносит ни слова, с отсутствующим видом глядя перед собой.

Не было до нас со Скарлет дела и нашей мачехе – ей хватало забот с ее собственными тремя мальчишками-сорванцами. Вот тогда-то в голове отца и засела мысль отправить нас с сестрой учиться в школу-интернат.

Если бы ему до конца удалось осуществить эту затею! Если бы только при этом нам со Скарлет не пришлось разлучиться друг с другом!

Если бы...

Наша машина проехала сквозь громадные ворота, по обе стороны которых стояли массивные колонны, увенчанные

фигурами грачей. Каменные птицы застыли в полете, широко раскинув крылья и выпустив в воздух острые когти.

К школе вела длинная подъездная дорожка, петлявшая среди деревьев, за которыми вдали блеснула полоска воды — наверное, это был пруд или озеро. Наконец машина остановилась, и я услышала, как хрустнул гравий под ногами нашего выбиравшегося наружу шофера.

— Внимательнее смотрите себе под ноги, мисс, — сказал он, открывая мою дверцу.

Я через силу улыбнулась ему и вылезла из машины вместе со своей сумкой.

Надо мной нависало огромное здание Руквудской школы, такое мрачное, что на его фоне меркла яркая зелень растущих вдоль подъездной дорожки деревьев. Стены школы были каменными, темно-серыми, почерневшими сверху от сажи, десятилетиями оседавшей на них из каминных труб. Высоко в небо поднимались украшавшие школьный фасад колонны, а вдоль края широкой шиферной крыши торчали, как на крепостной стене, каменные зубцы.

Да и вся школа в целом очень напоминала замок. Или тюрьму.

Если бы вы только знали, до чего мне хотелось немедленно развернуться и броситься бегом по подъездной дорожке назад, за ворота! Но я, конечно, взяла себя в руки и осталась на месте, зная, что убежать мне все равно не дадут. Поймают, а потом еще и накажут.

О, а вот и грачи. Живые. Они пролетели у меня над головой, их громкие крики смешивались с далекими возгласами игравших на лужайке девочек.

– Хватит стоять тут, разинув рот, – сказала мисс Фокс, глядя на меня как на случайно прилипшего к ее подошве слизняка. – Иди за мной, если у тебя, конечно, нет более интересных предложений.

– Да, мисс... Нет, мисс.

Она отвернулась и двинулась вперед, пробормотав что-то себе под нос. Что именно, я не расслышала.

Я начала подниматься на крыльцо вслед за мисс Фокс, слушая, как звонко щелкают по каменным ступеням ее каблуки, как на каждом шагу звенит что-то в ее карманах. Входные двери школы были огромными, под стать всему зданию, но когда мисс Фокс толкнула их, они открылись на удивление легко и без малейшего скрипа. Пройдя в двери, я оказалась в огромном, высотой в два этажа, холле с ведущей вдоль всех его стен галереей. Здесь сильно пахло мастикой для пола, а в центре холла стояла дубовая конторка, за которой со скучающим видом сидела молодая женщина-секретарь и делала вид, что перебирает лежащие перед ней бумаги.

Мисс Фокс подошла к конторке и оперлась на нее обеими руками.

– Добрый вечер, мадам, – негромко приветствовала ее секретарь.

– Ну, это как посмотреть, – недовольным тоном ответила

мисс Фокс. – Я привезла ученицу, Скарлет Грей. – Я хотела поправить ее, но она небрежно махнула в мою сторону рукой и продолжила: – С завтрашнего дня она начнет посещать занятия. Занесите ее в журнал, пожалуйста.

Мисс Фокс была из тех людей, в устах которых слово «пожалуйста» звучит как «немедленно выполняйте приказ».

– Э... хотите, чтобы я проводила девочку в ее комнату, мадам? – спросила секретарь.

– Нет, – отрезала мисс Фокс. – Вначале я отведу ее в свой кабинет, объясню ей школьные правила. Покажите, где она должна поставить свою подпись в журнале.

Потом мисс Фокс зашагала в сторону коридора, и я поспешила следом за ней. Один раз я рискнула оглянуться и увидела, какими широко раскрытыми глазами провожает меня женщина-секретарь.

Мы прошли вдоль длинного ряда дверей, на каждой из них имелось маленькое застекленное окошечко, сквозь которое можно было увидеть, что происходит внутри, в классе. А там повсюду происходило одно и то же – за партами сидели девочки, молчаливые, с серьезными, напряженными лицами. Я понимала, что школа на то и школа, чтобы в ней было тихо, но в здешней тишине было что-то странное, хотя я и не могла понять, что именно.

Мертвую, неестественную тишину нарушали лишь наши шаги и позвякивание в карманах мисс Фокс. Наконец мы подошли к ее кабинету, мисс Фокс запустила руку в один из

своих бесчисленных карманов, выудила оттуда серебряный ключ и отперла им дверь.

В кабинете стоял полумрак и пахло старыми пыльными книгами. Обстановка здесь была скромной – один письменный стол, пара кожаных кресел с высокими спинками и несколько высоких стеллажей.

Но это было не все.

Все стены кабинета были покрыты изображениями собак.

Разные собаки – большие и маленькие, знакомые мне и какие-то странные заморские – печально смотрели в пустоту с выцветших фотографий, каждая из которых была аккуратно вставлена в коричневую рамку.

А еще в дальнем углу кабинета, в застекленной витрине, стояло чучело бигля – со своими безжизненно обвисшими ушами и пятнистой шкурой он выглядел еще более унылым, чем обычные живые бигли, которых, впрочем, тоже не назывешь весельчаками.

Но самым диким и странным выглядело чучело таксы, лежавшее на подоконнике маленького окошка, пробитого в задней стене кабинета. Было такое впечатление, что эту несчастную таксу используют здесь вместо ленты для заклеивания окон от сквозняков.

«Как странно, – подумала я, – что собак так сильно любит женщина с лисьей фамилией Фокс».

– Почему здесь собачьи чучела, мисс? – спросила я вслух.

– Потому что я ненавижу этих тварей, – ответила мисс

Фокс. — Мне нравится видеть их мертвыми.

Она указала своим длинным пальцем на одно из кресел, дождалась, пока до меня дойдет, что от меня требуется, и я усядусь в него, и только затем начала:

— А теперь, Скарлет...

— Айви, — автоматически поправила я ее.

Мисс Фокс приблизилась, темным облаком нависла над моей головой.

— Мне кажется, вы чего-то недопоняли, мисс Грей. Скажите, вы читали мое письмо?

Ее письмо?

— Я думала, что это письмо от директора школы.

— Мистер Бартоломью временно отсутствует, и я его замещаю. А теперь ответьте на мой вопрос. Вы читали письмо?

— Да. В нем было написано, что я получила место в вашей школе... Место моей сестры.

Мисс Фокс обогнула стол и села в кожаное кресло напротив меня и сказала:

— Все абсолютно верно. Ты заменишь в школе свою сестру.

В том, как она это произнесла, было что-то, заставившее меня задуматься.

— Что вы имеете в виду, когда говорите «заменишь свою сестру», мисс? — спросила я.

— Именно то, что сказала, — ответила мисс Фокс. — Ты заменишь свою сестру. Ты превратишься в нее.

Глава четвертая

– Нет! – ахнула я. – Что вы...

– Молчать! – оборвала меня мисс Фокс и ударила кулаком по столу с такой силой, что подскочили стоявшие на нем канцелярские принадлежности. – Нам необходимо занять место Скарлет, и, по счастью, у нас есть для этого ты. Мы не допустим, чтобы доброе имя Руквудской школы оказалось запятнанным из-за какого-то неблагополучного стечения обстоятельств. Опоздание Скарлет к началу учебного года мы объяснили гриппом, от которого ты, Скарлет, – она подчеркнула последнее слово, – благополучно поправилась.

Я чувствовала холодок под сердцем, голова моя стала невесомой, комната медленно поплыла перед глазами. До чего же мне хотелось верить в то, что все это всего лишь кошмар, который вот-вот отступит, и я проснусь в своей маленькой спальне у тетушки Фебы.

– Но... – попыталась возразить я. – Вы же не приняли меня в вашу школу! Вступительный экзамен прошла только Скарлет, но не я.

Знали бы вы, как я всегда винила себя за то, что не смогла тогда подготовиться как следует к этому проклятому экзамену!

– Это не имеет никакого значения. Деньги за обучение уже перечислены, и для общего блага ты займешь место твоей сестры. С этой минуты ты Скарлет. Айви может быть и не выдержала вступительный экзамен, но ты его успешно про-

шла, ясно?

Мне хотелось сорваться на крик, взбунтоваться, высказать мисс Фокс все, что я о ней думаю, но сил и смелости у меня хватило лишь на то, чтобы чуть слышно спросить дрожащими от страха губами:

– Н-но почему я должна это делать?

Мисс Фокс подняла вверх свой палец, приказывая мне замолчать. Ноготь у нее на пальце был длинным и острым.

– А вот это тебя не касается. Мы, взрослые, сами со всем разберемся. Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя начались неприятности у других учениц? – Она откинулась на спинку кресла и принялась смотреть куда-то в сторону.

– А мой отец... он знает об этом, мисс? – У меня еще оставалась надежда на то, что раз уж в этой школе всех водят за нос, так может быть, они и моего отца обманули вместе со всеми?

Но мои надежды рухнули в ту же секунду, когда мисс Фокс ответила, не моргнув глазом:

– Разумеется, он знает. И мы на все получили его разрешение. Он-то понимает, в отличие от некоторых, что и как следует сделать. А теперь пара слов о распорядке дня в нашей школе. Завтрак в семь тридцать, – она стукнула по столу кончиком перьевой ручки и продолжила ровным, безжизненным голосом, словно читая написанный на невидимой доске текст: – Уроки начинаются в девять. – Стук. – Кабинет сестры-хозяйки находится в конце вашего коридора. –

Стук. – По коридору без дела не слоняться. – Стук. – Свет выключается в девять вечера. – Стук... стук...

Мне бы слушать внимательно школьные правила, но мое внимание отвлекали стоявшие на столе мисс Фокс предметы: лампа, телефон, чернильный прибор, пресс-папье из слоновой кости, чековая книжка, маленькая позолоченная коробочка-аптечка для таблеток и – вот ужас-то! – еще одно собачье чучело. На этот раз – маленькая чихуахуа, в пасть которой были вставлены карандаши и ручки.

– Не отвлекайся!

– Да, мисс Фокс, – испуганно вздрогнула я.

– Вот, возьми, – картинно вздохнула она, протягивая мне лист бумаги с напечатанным на нем планом школьного здания и еще один лист с расписанием занятий. – И не забывай, отныне ты Скарлет. Айви больше не существует, понятно?

С этими словами мисс Фокс поднялась на ноги и жестом приказала мне следовать за ней.

Это производит сильное впечатление, когда говорят, что тебя больше не существует. После этого я даже не сразу смогла встать с кресла – ноги дрожали.

Но я все же поднялась, чувствуя себя одной из печальных собачек, что висели на стенах кабинета мисс Фокс. Чувствуя спиной взгляды их пустых застывших глаз, я вышла из кабинета, оставив за его дверью девушку по имени Айви Грей.

Я долго тащи́лась всле́д за ми́сс Фо́кс по ко́ридо́рам, по́том мы с не́й по́дняли́сь по те́мной, вы́зывающей клаустрофо́бию ле́стнице на вто́рой э́таж. Зде́сь вдо́ль ко́ридо́ра тяну́лся ря́д о́динаковых зе́леных де́верей с приби́тыми на них ци́фрами. Мы остано́вились пе́ред де́верью с но́мером трина́дцать. Ра́зуме́ется, трина́дцать – ве́дь это же лю́бимое чи́сло Ска́рлет. Она́ все́гда смея́лась на́д лю́быми суе́вериями и не ве́рила в ду́рные при́меты.

Ми́сс Фо́кс отпе́рла де́верь, спр́ятала́ ќлюч с при́креплен-
ной к не́му би́ркой в о́дин из бе́счи́сленных ка́рманов сво́его
пла́тья и ушла́, бро́сив мне на про́щание о́дно ли́шь сло́во:
– Переоде́нься!

Я толкну́ла де́верь, кото́рая ме́дленно по́вернула́сь на сво́их
пе́тлях, и с дро́жью за́глянула́ вну́трь.

Открывша́яся мо́им гла́зам ко́мната о́чень напо́минала на-
шу с се́строй спа́льню в ро́дительском до́ме с дву́мя желе́з-
ными, сто́ящими у про́тивопо́ложных сте́н кро́ватыми.

Я мы́сленно уви́дела Ска́рлет – ка́к она бро́сается к сво́ей
кро́вати и начи́нает ска́кать на ма́тресе и сде́ргивать про́сты-
ни. По́чему она́ их сде́ргивала́? Да по́тому, что сли́шком ту́го
на́тянутые про́стыни напо́минали ей са́рκοфа́г, та́к она́ все́гда
гово́рила. А по́том она́ отки́нет в сто́рону сва́лившийся ей на
ло́б те́мный ло́кон и ска́жет, что́бы я не то́рчала на ме́сте ка́к

пень с глазами и заносила вещи.

Я посмотрела себе под ноги. Вещи! Всего-то одна сумка с обвисшими боками.

Тряхнув головой, я подняла сумку и прошла в комнату. Теперь необходимо успокоиться, сосредоточиться и постараться прогнать из головы призрак Скарлет.

«Устраивайся. Начни раскладывать свои вещи, – мысленно приказала я себе. – И не забывай при этом глубоко дышать!»

Я, не раздумывая, двинулась к кровати слева от двери, но на полпути остановилась, вспомнив о том, что мы с сестрой зеркальные двойники. А это означает, что если я подсознательно выбрала кровать слева, то Скарлет не раздумывая свернула бы направо. Я понятия не имела, способен ли кто-нибудь посторонний улавливать такие тонкости в поведении зеркальных двойников, но на всякий случай подошла к той кровати, что стояла справа от двери, поставила рядом с ней сумку и огляделась вокруг.

В комнате с чисто побеленными стенами стоял большой дубовый гардероб, хилый на вид комод и туалетный столик с пожелтевшим и облупившимся от времени зеркалом, в котором я поймала свое отражение. У нас со Скарлет были одинаковые темные волосы, одинаковая бледная кожа, одинаково мелкие – их еще называют «кукольными» – черты лица. Только вот выражения лиц у нас с сестрой были разные. Скарлет всегда казалась хорошенькой и веселой, я же – мрач-

ной и словно потерянной.

– Скарлет, – прошептала я, делая шаг вперед и протягивая руку к зеркалу. В свое время мы со Скарлет придумали одну игру – вставали по разные стороны больших окон на нижнем этаже нашего дома и начинали повторять движения друг друга, изображая отражение в зеркале. Разумеется, я чаще всего повторяла движения своей сестры невпопад или с запозданием, и Скарлет каждый раз хохотала надо мной до упада. Разумеется, я на нее не обижалась, смеялась вместе с ней. Ну а сейчас, когда я подняла руку, отражение в зеркале повторило мой жест в точности и без задержки.

И мое сердце защемило от боли.

В углу комнаты обнаружился умывальник с раковиной, большим фарфоровым кувшином для воды и разложенными рядом с ним белыми вафельными полотенцами. Хотя в прошлом году эту комнату занимала моя сестра, сейчас в ней не обнаруживалось ни малейших следов присутствия Скарлет.

Я задумалась над тем, как здесь распорядились вещами Скарлет. Если их нет в комнате, то где они?

Куда делась ее одежда, ее книги? И где может быть...

...Ее дневник!

Когда мы были маленькими, Скарлет всегда показывала мне свой дневник, даже разрешала иногда написать в нем что-нибудь. Каждый год у сестры появлялся новый блокнот для дневника. На его страницах Скарлет часто рисовала меня и себя – мы были сестрами, которые жили в пряничном

домике со злой мачехой. Когда мы стали постарше, Скарлет перестала рисовать в дневнике картинки, чаще начала скрывать от меня свои записи и даже прятать дневник. Нет, я ни-сколько не обижалась на сестру. Чем Скарлет хотела поделиться со мной, она и так делилась, а если у нее появлялись мысли, которые она хотела оставить при себе, то я и сама их знать не желала.

Так что же могло случиться с драгоценным дневником Скарлет? Скорее всего, его могла выбросить на помойку или в печь горничная, убиравшая комнату после смерти Скарлет. От этой мысли мне стало нехорошо, однако у меня оставалась еще надежда – слабенькая, конечно, – что Скарлет сумела спрятать свой дневник так хорошо, что его до сих пор никто не нашел.

И если только дневник – единственное, что осталось от моей сестры, – все еще здесь, я непременно должна найти его, чего бы мне это ни стоило.

«Так, с чего же начать? – задумалась я и сразу же решила: – Гардероб!»

Гардеробы и шкафы всегда были местом, где Скарлет больше всего любила прятать свои вещи. Я поспешила к гардеробу, распахнула дверцы этого дубового гиганта и едва не задохнулась от накатившего на меня запаха нафталина, с помощью которого здесь боролись с молью.

В гардеробе обнаружилась единственная вешалка с аккуратно расправленной на ней школьной формой – белая блуза

ка с длинными рукавами, черная плиссированная юбка, фиолетово-белый полосатый галстук с гербом Руквудской школы на кончике и фиолетово-белые, в тон галстуку, гольфы. Я сняла форму, приложила к себе – в точности мой размер.

Это была школьная форма Скарлет.

Какое-то время я неподвижно стояла с этой формой в руках, испытывая странное чувство, которое невозможно описать словами. Да, это была форма Скарлет, но с другой стороны, это всего лишь одежда, верно? А одеждой мы с сестрой всю жизнь то и дело менялись, так в чем же дело? Но теперь все было сложнее, запутаннее. Ведь я теперь заняла место Скарлет, а значит, это моя форма, а не ее? У меня было ощущение, что, присвоив школьную форму сестры, я тем самым предаю ее. Или я просто снова придумываю себе что-то совершенно ненужное?

Не знаю. Чувствовала я себя ужасно.

Аккуратно положив форму на свободную кровать, я продолжила поиски дневника. Пол гардероба был устлан старыми газетами. Я приподняла пожелтевшие листы, морща нос от поднявшейся в воздух пыли.

Ничего.

Привстав на носки, я заглянула на верхнюю полку гардероба. Там тоже было пусто, если не считать толстого слоя пыли.

Я повесила на место школьную форму (так и не решив для себя, чья же она на самом деле), закрыла гардероб и перешла

к комоду. Осмотрела один за другим все ящики, но все они оказались пустыми. Не было в них не только дневника, но и вообще каких-то вещей, оставшихся от Скарлет. Для школы ее вещи были мусором, для меня же – единственной памятью, причем не только о сестре, но и о нашей с ней матери. После смерти мамы мне, как вы помните, досталась на память ее нитка жемчуга, а Скарлет – щетка для волос с серебряной ручкой, на которой были выгравированы мамины инициалы «Э.Г.». Ну и где все это может быть?

Я опустилась на четвереньки и заглянула под кровати, но под ними ничего не было, кроме потертого ковра, которым был покрыт пол спальни. Я подергала ковер, чтобы проверить, не спрятано ли что-нибудь под ним, но ковер был туго натянут и под ним тоже ничего не было.

Я чувствовала, что еще немного, и я разревусь.

Я поднялась с пола, добрела до своей кровати и рухнула на нее. Дневник... Скарлет могла спрятать его в каком-нибудь другом месте. А скорее всего, ее дневник давно уже нашли и уничтожили вместе с остальными вещами моей сестры...

И тут – погодите, погодите! – я вдруг почувствовала под своей спиной нечто твердое в матрасе. Твердое и с острыми углами. Я осторожно перевернулась на живот, провела рукой по матрасу – неужели это правда? Неужели это мне не почудилось с отчаяния? Нет, не почудилось. Внутри матраса совершенно точно что-то было.

Я вскочила, подбежала к двери, осторожно выглянула в

коридор. Никого. Тихо и пусто. Господи, только бы мисс Фокс не пришло в голову вернуться сюда!

Я сдернула с кровати тонкое серое одеяло, простыни и, не задумываясь, швырнула их прямо на пол. Провела рукой по обнажившемуся матрасу. Да, вот он, этот твердый предмет. Теперь нужно понять, как до него добраться.

Сверху этого не сделать. Я легла спиной на пол, подлезла под кровать. Теперь я видела над своей головой металлические перекладки кровати, с них летела пыль, от которой мне то и дело хотелось чихнуть.

А затем я увидела в матрасе прорезь. Длинную узкую прорезь, сделанную, по всей видимости, острым ножом. По размеру прорезь была самой что ни на есть подходящей, чтобы засунуть в нее дневник.

Я просунула руку внутрь матраса, и мне на лицо сразу же посыпались перья, комочки ваты, волоски, соринки и прочая щекочущая дрянь, но я терпела, не сдавалась, и мои труды не пропали даром – кончиками пальцев я нащупала предмет, который искала. Он был небольшим, прямоугольным, твердым и сверху обтянутым чем-то вроде потертой кожи.

Мое сердце бешено забилося в груди, и теперь мне уже стало совершенно наплевать и на пыль, и на мелкий мусор...

Наконец я вытащила найденный предмет, крепко ухватив его за уголок. Это оказался блокнот в кожаном переплете, с застежкой-лепестком на металлической кнопке.

Дневник Скарлет! Да, это был он, и я крепко прижала его

к груди.

Они его не нашли. Драгоценная частичка моей сестры дождалась-таки меня!

Я выползла из-под кровати и, как смогла, стряхнула с себя пыль и мусор. Затем села на кровати, прислонившись спиной к ее холодной спинке, и уже спокойно, внимательно рассмотрела попавшее мне в руки сокровище.

Обложка дневника оказалась коричневой, блестящей, с аккуратно вырезанными на ней крупными буквами «С.Г.». Было заметно, что из дневника вырвана часть листов, но, к счастью, далеко не все. Затаив дыхание, я отстегнула застежку и открыла первую страницу, на которой было написано.

«Айви, я молюсь о том, чтобы эти строки читала именно ты и никто другой. И если это так, то, как я полагаю, ты теперь новая я...»

Глава пятая

«Ты должна хранить мой дневник в тайне от всех, и в первую очередь от Лисицы, так мы зовем здесь мисс Фокс. Она ни в коем случае не должна пронюхать об этом дневнике, поняла? Мне пришлось вырвать

из него часть страниц. Она пойдет на все, чтобы уничтожить все улики.

С тобой все будет в порядке до тех пор, пока ты будешь оставаться мной. Это что-то вроде игры, в которой ты изображаешь меня. Вот несколько советов и подсказок, они тебе помогут.

Не будь слишком внимательной на уроках. Не носи слишком аккуратно школьную форму. Держись подальше от Пенни. Не пытайся перечить Фокс... ты просто не представляешь себе, на что она способна. Не будь мокрой курицей, Айви. Когда захочешь заплакать, просто посмотри в зеркало и вспомни о том, что ты стараешься быть мной.

И еще, Айви, я разрешаю тебе прочитать мой дневник. Нет, не так. Я настаиваю на том, чтобы ты его прочитала!»

Я запихнула дневник в свою наволочку, сердце бешено колотилось в груди. Это было какое-то безумие!

Как могла Скарлет знать заранее, что с ней произойдет? Она пишет, что я должна всех водить за нос, выдавая себя за нее, и, похоже, у меня нет иного выбора, как сделать то, что от меня требует Скарлет. При этом я должна обмануть и мисс Фокс, и от этой мысли мне становилось не по себе.

Трудно было поверить, в какой густой паутине лжи я запуталась! И все только для того, чтобы спасти доброе имя школы, успокоить остальных учениц, чтобы они не паниковали из-за «неблагополучных обстоятельств»?

Бред какой-то.

Мне необходимо посоветоваться с кем-нибудь из взрослых. К кому я могу обратиться в нынешней ситуации?

К тетушке Фебе!

Разумеется, к тетушке Фебе! Я подбежала к своему ранцу, вытащила из него перо, бумагу и чернильницу. Уселась за туалетный столик и лихорадочно принялась строчить:

«Дорогая тетушка Феба!

Помогите! Все оказалось ужасной ошибкой. Я не знаю, что здесь происходит, но они хотят, чтобы я выдавала себя за Скарлет. Но это же неправильно, нечестно! Я нашла ее дневник и из него поняла, что Скарлет заранее знала, что именно так и случится. Здесь происходит что-то странное и ужасное.

Тетушка, вы можете приехать и забрать меня отсюда? Или рассказать обо всем папе? Прошу вас, сделайте что-нибудь, это очень-очень важно!

Айви».

Я свернула исписанный лист, положила его в конверт, написала на нем адрес тетушки Фебы и добавила крупными буквами «СРОЧНО!».

Но едва я все это сделала, как мое возбуждение быстро начало спадать, решимость уступила место привычной меланхолии. Понимаете, я просто подумала: а что мне делать дальше с этим письмом? Как мне его отослать? На конверт нужно было наклеить марку, а где здесь искать почтовое отделение, чтобы ее купить? Если кто-то из учениц хочет послать домой

письмо, она, очевидно, отдает его своей учительнице. И если мое письмо попадет в руки мисс Фокс...

Что же мне остается? Придется поверить словам Скарлет. Ничего лучшего мне все равно не придумать.

Я заставила себя переодеться в школьную форму Скарлет. Ткань оказалась грубой, неприятной на ощупь и совершенно не пахла моей сестрой. Переодевшись, я взглянула на себя в зеркало. Нет, что-то не так... Ага, все слишком аккуратно надето, по словам Скарлет так быть не должно. Я слегка распустила узел галстука, рывком перекосила на один бок юбку, слегка неровно подтянула гольфы – на одной ноге повыше, на другой пониже. Ну вот, так я сразу стала гораздо больше похожа на свою сестру.

Закончив с переодеванием, я распаковала свои немногочисленные пожитки, заново заправила ставшую моей кровать Скарлет и прилегла. Веки мои начали слипаться, уже, кажется, и сон меня окутал, как вдруг я ощутила какое-то движение в комнате, а открыв глаза, заметила стоящую в дверном проеме тень.

– Привет, – застенчиво сказала мне тень.

Я присмотрелась.

Тень оказалась маленькой невзрачной девочкой, очень похожей на серенькую мышку. Казалось, она вот-вот может сложить на груди лапки и попросит дать ей кусочек сыра.

Я едва не ответила мышке таким же застенчивым «Привет», но в последний момент вспомнила, что я же теперь

Скарлет...

– Привет! – громко прокричала я, вскакивая с кровати и через силу изображая на своем лице широкую беззаботную улыбку.

Серенькая мышка слегка перепугалась, сделала маленький шагок назад и на одном дыхании пролепетала:

– Добрый вечер меня зовут Ариадна новенькая.

– Прости?

Девочка глубоко вдохнула, выдохнула, слегка успокоилась и уже совершенно нормально повторила:

– Меня зовут Ариадна Элизабет Гвендолен Флитуорт.

– Ух ты... заковыристо, – ответила я и подмигнула мышке.

– Вообще-то я привыкла, что меня называют просто Ариадной, – вздохнула мышка и протянула мне для приветствия свою маленькую ладошку с обгрызенными до мяса ногтями.

Я взглянула на эту ладошку, многое поняла по ней об Ариадне и сказала:

– А меня зовут Ай... Скарлет. Очень рада познакомиться.

«Едва не прокололась», – подумала я, отцепляя свою руку от ладошки Ариадны.

Ариадна принялась затаскивать в комнату свои вещи, их у нее оказалось довольно много. Я села на кровать и принялась наблюдать за тем, как Ариадна по одному вносит чемоданы, коробки, сумки и аккуратно расставляет их вдоль стены на своей половине комнаты. Помогать ей я не стала, было ясно, что Ариадна выполняет какой-то странный, известный

только ей одной ритуал, вмешиваться в который не стоило.

– А ты тоже новенькая? – неожиданно спросила меня Ариадна.

– Я?.. Нет, – ответила я, вновь едва не поправшись на крючок. – Я еще в прошлом году здесь училась.

Ариадна удивленно осмотрела мою совершенно пустую половину спальни, и я, поняв, в чем дело, понеслась врать дальше:

– Видишь ли, я некоторое время болела. Врачи сказали, это была какая-то разновидность гриппа. Ну вот, пришлось меня отсюда забрать вместе со всеми моими вещами, потому что они... э... тоже могли быть заразными. Ну, короче говоря, чтобы никто вслед за мной не заболел...

– Ну да, конечно, я поняла, – кивнула Ариадна, заправляя за уши свои выбившиеся вперед жиденькие мышиноного серого цвета волосики. – Мой отец решил отправить меня в эту школу, потому что ему пришлось сейчас уехать за границу по чрезвычайно важным делам, – о «чрезвычайно важных делах» она сказала безо всякой гордости или чванства, просто, скорее всего, автоматически повторила то, что слышала много раз у себя дома. Тем временем Ариадна закончила раскладывать багаж и спросила, сдувая очередную, прилипшую к лицу серую прядку: – Надеюсь, ты подскажешь мне, где здесь у вас туалет?

«Час от часу не легче!» – с ужасом подумала я. План школы, который мне вручила мисс Фокс, я рассмотреть еще не

успела. По дороге сюда туалет не видела. Но должен же он быть где-то здесь, на жилом этаже, верно?

Ариадна продолжала вопросительно смотреть на меня, поэтому я поспешила ответить:

– Да, конечно. Это здесь, чуть дальше по коридору. Иди за мной, – и я решительно двинулась к двери, успев взглянуть на ходу через плечо на свою кровать. Подушка лежала хорошо, спрятанного в наволочке дневника совершенно не было видно.

Сегодняшние уроки, надо понимать, только что закончились, потому что коридор заполнили девочки в школьной форме. Я уверенными шагами двигалась вперед, Ариадна плелась за мной, а вокруг начиналось что-то непонятное.

Одни девочки, увидев меня, зажимали себе ладошкой рот, другие ошеломленно смотрели на меня во все глаза, третьи начинали о чем-то перешептываться друг с другом.

«Ах, Скарлет, Скарлет, – подумала я. – Что ж ты такого успела натворить?»

Мне казалось, что эта попытка продолжается уже целую вечность. Я ускорила шаг, Ариадна тоже прибавила ход, стараясь не отставать от меня.

Наконец-то удача! Вот она, заветная дверь с табличкой «Туалет и ванная комната».

– Заходи, – небрежным тоном сказала я Ариадне, придерживая для нее дверь. Затем сама зашла в туалет вслед за серой мышкой и с удовольствием отрезала себя от внешнего

мира.

Ариадна поспешила в кабинку и заперлась в ней. Я по-прежнему слышала какую-то возню в коридоре, за закрытой дверью, но теперь казалось, что этот шум долетает откуда-то издалека, и потому совершенно не страшен. Я прислонилась спиной к стене, стараясь взять себя в руки и успокоиться.

В туалете было холодно и мрачно – свет слабо проникал сквозь вставленные во все окна матовые стекла. Стены были выкрашены масляной, местами облупившейся от сырости краской какого-то отвратительного зеленого цвета. Впрочем, даже этот туалет можно считать верхом комфорта и роскоши по сравнению с уличным туалетом у тетушки Фебы и ее жестяным корытом для купания.

Я наклонилась над раковиной, повернула кран, желая умыться свое вспотевшее от напряжения лицо. Сначала кран долго фырчал, потом из него полилась тоненькая струйка. Я отвернула кран сильнее. Он взвыл и выплюнул мощную струю воды, окатившую меня с головы до ног.

Великолепно! Просто великолепно!

– Скарлет? – раздался из-за деревянной дверцы кабинки голос Ариадны.

Я была занята тем, что выжимала промокшую юбку, и потому отозвалась на свое новое имя не сразу, а через небольшую паузу.

– Э... да?

– Почему на нас так пялились те девочки?

Я попыталась представить, чем могла бы Скарлет вызвать такую реакцию окружающих, и пришла к выводу, что чем угодно. Ее любые, даже самые невинные поступки выглядели бы в этой школе чудовищным нарушением всех норм и правил.

Прежде чем я сумела подобрать нужные слова, чтобы ответить, в туалете спустили воду и щелкнула задвижка на двери. Вышедшая из кабинки Ариадна встала к соседней со мной раковине и принялась мыть руки.

– Как ты думаешь, это на меня они так смотрели? – нервно спросила она. – Потому что я новенькая? Или они подумали, что я странная, или уродина, или дура, или... или... ну, не знаю, что там еще!

И тут Ариадна вдруг опустилась на пол, словно сдувшийся воздушный шарик, и сгорбилась, обхватив свои колени руками.

А я едва не рассмеялась от облегчения.

– Нет, ты ошибаешься, – сказала я. – На самом деле это они на меня так смотрели. Потому что... Потому что меня очень долго не было в школе. Они, вероятно, решили, что я сюда больше не вернусь. Что я, наверное, вместо того чтобы ехать в школу, сбежала с бродячим цирком.

– Это точно, ты уверена? – заморгала Ариадна.

Уверена я ни в чем не была, конечно, но бравым тоном завила мышку:

– Абсолютно в этом уверена, не сомневайся. А тебя они

просто вовсе не заметили.

А вот это я, пожалуй, зря сказала. Обидно слышать, что тебя не замечают. Однако Ариадна приободрилась, поднялась с пола и даже изобразила на своем личике что-то вроде улыбки.

– Ты права. Конечно, ты права, – и она выжидающе уставилась на меня, словно спрашивая: «Ну, что дальше?»

Мне не хотелось вновь возвращаться в свою комнату по коридору, но нельзя же навсегда поселиться в туалете, правда?

Я сделала глубокий вдох и вышла за дверь. Толпа в коридоре стала не такой густой, но все головы, что здесь еще остались, дружно поворачивались и провожали нас внимательными взглядами. Я снова прибавила шаг, надеясь на то, что Ариадна сумеет не отстать и не потеряется.

Когда мы, наконец, вернулись в свою комнату номер тринадцать, я облегченно вздохнула и повалилась на свою кровать, с радостью ощутив при этом твердый дневник, спрятанный в моей наволочке. «Нужно будет при первой же возможности снова перепрятать его в матрас», – подумала я.

Ариадна принялась деловито разгружать свои многочисленные чемоданы и сумки. Одну за другой она доставала из них платья, юбки, блузки. Все они были аккуратно сложены, однако Ариадна разворачивала каждую юбку или блузку, разглаживала ее и снова складывала – таким же тщательнейшим образом. Странное дело, меня это зрелище очень

успокаивало, я отдыхала и наслаждалась покоем, наблюдая за тем, как Ариадна возится со своими вещами. Но тишина оказалась недолгой.

– Эй, взгляните-ка, кого к нам притащила Лисица!

Я подняла голову.

В открытой двери нашей комнаты стояла девочка. У нее были курчавые рыжие волосы, перетянутые бледно-голубой лентой, и густо обсыпанное веснушками лицо, которое можно было бы назвать симпатичным, не будь оно таким злым.

«Ну вот и кончилась передышка», – подумала я.

Ариадна, судя по всему, приняла слова рыжей на свой счет, потому что подошла к ней и сказала, протягивая руку:

– Привет! Я новенькая. Меня зовут Ариадна.

Рыжая не обратила на Ариадну ни малейшего внимания и продолжала смотреть прямо на меня.

– Они не должны были разрешать тебе вернуться, – сказала она. – Ты сама знаешь, что недостойна того, чтобы находиться здесь.

Я тупо посмотрела на нее и брякнула первое, что пришло мне в голову:

– Это еще почему?

– Не пытайся вешать мне лапшу на уши, Скарлет Грей. Нам всем известно, что ты натворила.

– В самом деле? – поинтересовалась я. Знать бы мне самой, чем именно успела здесь отметиться Скарлет!

– Не сомневайся. Меня тошнит от тебя, – передернулась

рыжая.

– Как тебя зовут? – робко подала голос Ариадна.

Рыжая непонимающе уставилась на нее, моргнула и ответила:

– Что? А! Пенни. Сокращенное от Пенелопа.

– А меня зовут Ариадна. Но мое имя не сокращается. Оно греческое. Ариадна помогла Тезею победить Минотавра! – Она победно взмахнула в воздухе своим кулачком и закончила: – Очень рада познакомиться!

Ариадна явно изо всех сил старалась побороть свою застенчивость, не казаться слишком робкой. Правильное ли это было решение? Не знаю, не уверена. Впрочем, мне сейчас в первую очередь о своей робости следует забыть.

– Не сомневаюсь, – откликнулась рыжая Пенни и добавила, щуря густо окруженные веснушками глаза: – Ну ладно. Кое у кого из нас есть подруги, с которыми можно пойти и поболтать.

Она повернулась и пошла к двери, ожидая, очевидно, что Ариадна двинется следом, но тут я, совершенно не раздумывая, выпалила:

– Если твои подруги такие же, как ты, я бы, пожалуй, не пошла болтать с ними.

Ариадна уставилась на меня с широко раскрытым ртом.

Я и сама готова была раскрыть рот от удивления. Айви такого никогда не сказала бы, это точно. А вот Скарлет – запросто. Меня охватило странное чувство – необычная смесь

гордости и в то же время неловкости за себя.

Пенни обернулась и прошипела с порога:

– Будь с ней начеку, Ариадна. Ты просто еще не знаешь, чем все это может для тебя закончиться.

Она с мрачным видом провела пальцем у себя по горлу и с гордым видом удалилась.

– Что она хотела этим сказать? – спросила Ариадна.

– Мне самой интересно было бы узнать, – соврала я.

Честно говоря, я вовсе не была уверена в том, что хочу что-либо узнать об этом.

Глава шестая

Обед был в шесть, а до этого я битый час выслушивала рассказы Ариадны про ее любимого пони Освальда, о ее собаке и цыплятах. При этом я все чаще и чаще вспоминала о том, что сегодня после завтрака у меня еще маковой росинки во рту не было. Есть хотелось ужасно, и я решила, что пойду в столовую, даже если при этом придется столкнуться со многими людьми, которые знали Скарлет. Интересно, смогут ли они раскусить меня?

Итак, в шесть часов я вышла из нашей комнаты, а следом за мной тащилась не перестававшая щебетать Ариадна.

Ломать голову над тем, где находится столовая, мне не пришлось – достаточно было просто идти в общем потоке девочек, струившемся вниз по лестнице. Я шла вместе со всеми, и мне ужасно хотелось стать невидимкой, скрыться от внимательно следящих за мной глаз.

– ...А еще у нас есть большой такой пруд с рыбками и утками. Очень-очень большой, правда. Через него даже мостик перекинут, вот.

– А братья или сестры у тебя есть? – перебила я Ариадну, обернувшись к ней.

Она часто заморгала, сконфузилась и тихо ответила:

– Нет. В доме только я и мама. Ну и папа еще иногда. Редко. Но мне хотелось бы иметь брата или сестру. А у тебя они есть?

– Э... да. У меня есть сестра. Правда, она... учится в дру-

гой школе. И братья есть. Сводные. Трое.

– Какая ты счастливая, – вздохнула Ариадна.

– Это ты так говоришь потому, что моих братцев никогда не видела, – хмыкнула я.

Столовая была огромным, шумным залом, уставленным рядами столов, за которыми, тесно прижавшись друг к другу, сидели девочки. Очень много девочек. В одной из стен имелась длинное окошко, через которое повара накладывали на тарелки горячую дымящуюся еду. Я не знаю, что это была за еда, но в столовой сильно пахло слегка подгоревшим тушеным мясом. Мы с Ариадной пристроились в хвосте очереди и вместе с ней начали понемногу приближаться к окну раздачи. Знаете, мне еще никогда не приходилось видеть столько людей, собравшихся в одном месте!

При этом все они одновременно разговаривали, а к шуму голосов добавлялся металлический звон ножей и вилок и стеклянный дребезг стаканов. Мне хотелось заткнуть уши и сбежать из этого ада, но тогда я так и осталась бы голодной.

И тут я увидела мисс Фокс. По ее виду было заметно, что ей хочется сделать то же самое, что и мне, – заткнуть уши и бежать, только мне не давал это сделать голод, а ей... служебный долг, наверное? Итак, мисс Фокс стояла возле дальней стены, легонько постукивая себя по ноге бамбуковой тростью, которую она держала в руке.

Я сглотнула подкативший к горлу комок, взяла из стоп-

ки чистую тарелку из дешевого фарфора, подошла с ней к окошку. Повариха в съехавшем набок белом колпаке, из-под которого выбивались наружу неопрятные кудри, зачерпнула из котла и вылила в мою тарелку целый половник какого-то коричневого месива.

– Простите, а что это? – спросила я.

– Жаркое, – коротко ответила повариха.

– А из кого это жаркое, мисс?

Она с ненавистью посмотрела на меня, ничего не ответила и принялась накладывать жаркое в тарелку Ариадны.

Выйдя с тарелкой в центр зала, я остановилась, потому что понятия не имела, где искать свое место. Точнее, постоянное место Скарлет. Тут я уголком глаза заметила, как мисс Фокс указывает легким взмахом своей трости, куда мне идти. Да, действительно, в той стороне была пара свободных мест.

Ариадна подошла к столу вместе со мной, мы уселись, и она принялась тыкать вилкой в кусочки мяса, словно желая убедиться в том, что они не живые.

– С возвращением, Скарлет!

Я подняла голову. С этими словами ко мне обратилась сидевшая напротив женщина с седеющими волосами и большими серыми глазами.

– Э... благодарю вас, мисс, – ответила я, поддевая вилкой жаркое.

Между прочим, оно оказалось вовсе не таким плохим, как

на вид, только ужасно горячим. Уф! Я поспешно проглотила кусок.

– Нравится жаркое? – спросила сидящая учительница.

– Ну... – Я опустила взгляд в свою тарелку. – В общем-то, вполне съедобно, а вы как считаете?

– Согласна, – широко улыбнулась она. – Знаешь, мне всегда нравились девочки, у которых отменный аппетит.

Тут – вольно или невольно – мне на помощь уже не в первый раз пришла Ариадна.

– Простите, а как вас зовут, мисс? – спросила она.

– О, а ты, должно быть, новенькая! Меня зовут миссис Найт, я декан факультета Ричмонд.

– А я Ариадна, мисс. Очень рада познакомиться с вами, – и она протянула учительнице свою руку, в которой продолжала держать вилку.

Миссис Найт сделала вид, что не обратила на это внимания, однако со всех сторон послышались смешки. Я почувствовала, как у меня покраснели щеки.

Смешки вскоре стихли, никак не мог остановиться лишь кто-то один на дальнем краю стола. Я посмотрела в ту сторону и, честно говоря, совершенно не удивилась, обнаружив, что это Пенни. Она притворно улыбнулась мне и ткнула в мою сторону своей вилкой. Потом сделала вид, что сама укололась об нее, и забулькала так, будто ее тошнит. Сидевшие рядом с ней подружки покатались от хохота.

Я покраснела еще сильнее. Скарлет на моем месте непре-

менно что-нибудь сделала бы. Например, подошла бы и вылила свое жаркое прямо на колени этой несносной Пенни.

И никакая трость Лисицы не остановила бы ее, не испугала.

Но я-то не Скарлет. Я – Айви. И я закончила свой обед, так ничего и не сделав и не сказав ни слова.

Погасили свет. Я лежала в своей кровати, привыкая к новой, непривычной обстановке. Безуспешно ждала, когда же заснет, наконец, Ариадна. А она все никак не засыпала, негромко шептала что-то себе под нос. Я делала вид, что этот шепот мешает мне спать, страдальчески стонала время от времени, но Ариадна все не унималась.

Я продолжала ждать. Как только Ариадна уgomонится, я смогу вытащить дневник. Лампы погашены, но за окном на небе стоит полная луна, и ее света будет достаточно, чтобы разобрать написанное.

– Ну разве это не восхитительно? – отчетливо прошептала Ариадна.

– Мы сегодня будем спать или нет? – недовольно пробурчала я.

– Знаешь, все это мне напоминает вечеринку, когда мама разрешила тебе переночевать у подруги. Можно болтать сколько угодно и даже перекусить прямо среди ночи!

– У нас с тобой нет еды, Ариадна.

– Да, верно.

В лунном свете я увидела, как она поднимает с пола своего плюшевого мишку. Мишка был очень пушистый, с яркими стеклянными глазками.

— Ну тогда я, в самом деле, попробую уснуть, — вздохнула Ариадна. Она положила мишку рядом со своей подушкой и принялась гладить его. — Но мне кажется, что это совершенно невозможно. Впрочем, спокойной ночи, Скарлет.

— И тебе тоже, — пробормотала я.

— Ах, нет, — снова вздохнула она. — Это совершенно невозможно!

Спустя две минуты после того, как Ариадна во второй раз произнесла это слово, она уже спала.

Ну наконец-то! Я вытащила из-под головы подушку, встряхнула из наволочки дневник и повернулась лицом к окну, спиной к Ариадне.

Я надеялась найти в дневнике ответы на многие свои вопросы, но, открыв его, обнаружила, что запись имеется только на первом листе, а все остальные страницы пустые, чистые. Вероятно, все исписанные страницы из дневника вырваны и вместе с ними исчез весь последний год жизни Скарлет.

Делать было нечего, и я вновь перечитала единственную сохранившуюся в дневнике запись на его первой странице. Глаза у меня начинали слипаться, перед ними расплывалась, уплывала в туман строчка: *«Не будь мокрой курицей, Айви»*.

Бред какой-то. Чтобы не уснуть с дневником в руке, я

убрала его назад в наволочку, легла и принялась думать о своей сестре.

Назавтра была суббота, благословенный день, когда не нужно было идти на уроки и надевать школьную форму Скарлет. Мы с Ариадной спустились на завтрак, съели по тарелке овсянки. Она мало того что была холодной, так еще и с комками, которые приходилось по пять минут разжевывать.

– Что будем делать сегодня? – спросила Ариадна, когда мы, наконец, прикончили овсянку и чай.

Я тупо посмотрела на нее. А что тут вообще можно делать, в этой школе?

По счастью оказалось, что никакого ответа от меня не требуется, он был готов у самой Ариадны.

– Я хочу пойти в библиотеку, – сказала она. – Мне говорили, что здесь прекрасная библиотека.

Завернув в туалет, чтобы наскоро взглянуть в кабинке на план школы, я повела Ариадну в школьную библиотеку. Она действительно оказалась великолепной – бесконечные ряды забитых книгами полок занимали все стены, уходили высоко вверх, под самый сводчатый потолок. Для того чтобы достать книгу с верхних полок, нужно было взобраться по установленным на колесиках стремянкам. Стремянок было много, и какие-то девчонки с хохотом катали на них друг друга. В центре зала рядами стояли столы, за которыми сидели ученицы – одни читали какие-то толстые научного вида книги,

другие валяли дурака и только прикидывались, что читают.

Ну а книги... Их здесь были сотни. Нет, не сотни, тысячи! Сколько непрочитанных историй! Сколько знаний!

Разумеется, я должна была изображать, что все это не производит на меня ни малейшего впечатления. Во-первых, Скарлет уже много раз бывала здесь, видела эту библиотеку. А во-вторых, она не очень-то интересовалась книгами в принципе.

– Взять, что ли, и мне на дом парочку книжек? – скучающим тоном сказала я.

– Парочку! Я возьму, сколько дадут, по максимуму! – азартно откликнулась Ариадна.

Вскоре мы вернулись к себе в комнату. Я – с двумя книжками под мышкой, Ариадна – с громадной стопкой в руках. Еще вчера никто не обращал на Ариадну никакого внимания. Сегодня над ней смеялись все кому не лень.

* * *

Утром в воскресенье мы должны были идти в школьную церковь, на службу. Я стояла, совершенно не прислушиваясь к словам священника, и думала о своем. Мне повсюду чудилось присутствие Скарлет – в медных подсвечниках, в разноцветных витражных окнах, в потемневших золотых тарелочках для милостыни. Меня не оставляло ощущение, будто за мной кто-то постоянно наблюдает.

Когда мы под неусыпным оком мисс Фокс вышли из церкви, начал накрапывать дождь. Сначала я безуспешно попыталась быстрее пробраться вперед, ввинчиваясь в толпу и таща за собой Ариадну, но потом одернула себя, вспомнив слова Скарлет, написанные в дневнике: «Не будь мокрой курицей, Айви... Вспомни о том, что ты стараешься быть мной»

Папа всегда говорил, что Скарлет ходит как хозяйка всего вокруг, ходит так, словно не позвоночник у нее под платьем, а стальной шест. Вот так и я должна ходить, а не суетиться из-за какой-то пары упавших на меня дождевых капель!

И знаете, это сработало! Я выпрямилась, расправила плечи и уверенно, спокойно двинулась вперед, и девочки начали покорно расступаться передо мной, освобождая дорогу. Поднявшись на школьное крыльцо, я обернулась назад, к Ариадне, и улыбнулась ей. Она робко помахала мне в ответ. «Вот так-то лучше, не правда ли, Скарлет?»

В ту ночь, слушая посапывание Ариадны, я снова вытащила из наволочки дневник – просто чтобы поддержать его в руках, но вскоре поймала себя на том, что снова и снова перечитываю написанные в нем слова.

Больше всего меня притягивала строчка, где говорилось *«Не будь мокрой курицей... просто взгляни в зеркало...»*.

С этой строчкой было что-то не так. Она выбивалась из остального текста. И потом, почему именно в ней Скарлет подчеркнула два слова? Что она хотела этим сказать? На что

намекнуть? Неужели?..

Да-да, что, если это одно из зашифрованных посланий, которыми Скарлет в свое время буквально сводила меня с ума? Что, если этой строчкой она пытается сказать мне нечто очень важное?

Она писала, что постарается дать мне несколько советов и подсказок – может быть, это ключ к ним?

Я смотрела теперь только на подчеркнутые слова. Первое из них – «мокрый». Мокрый... Озеро? Река? Нет, вряд ли. Второе слово – «зеркало». Где может быть мокрое место с зеркалом? Где?..

Да в ванной, вот где! Ванная комната!

Я подскочила на кровати так, словно Скарлет сама прошептала мне это на ухо.

Свет в школе был погашен, все лежали в своих кроватях. Вполне возможно, что мисс Фокс совершает обход по коридорам, ловит нарушителей режима, как лиса полевых мышей. Куда можно безнаказанно отправиться посреди ночи? Правильно, только в туалет. А там, как вы помните, и ванная комната. Я села на кровати, наклонилась, высматривая свои туфли, но потом передумала – слишком много шума будет. Лучше идти босиком.

Я на цыпочках подошла к двери – ну вот, наконец-то и мои занятия балетом на что-то сгодились, – повернула ручку, и дверь выпустила меня в коридор, повернувшись на петлях с таким скрипом, на который, казалось, должна была сбежать-

ся вся школа. Я повернула голову, посмотрела в один конец коридора, в другой – пусто. Тихо. Дверь, на которой висела табличка «Классная дама», была плотно прикрыта.

Я быстро направилась в сторону туалета.

Честно говоря, мне было страшновато – казалось, что в любой момент из любой двери на меня может выпрыгнуть мисс Фокс. Неожиданно за моей спиной раздался грохот. Я обернулась, остановилась, дрожа как осиновый лист в своей ночной рубашке. Это оказалось всего лишь окно – его распахнуло порывом ветра.

В туалете горела тусклая лампочка, но за дверь с матовым стеклом и надписью «Ванная комната» свет почти не проникал. Вообще-то, там была не одна ванная, а четыре, расположенные вдоль темного коридора, каждая за своей дверью, на которой был написан номер.

Слыша, как гулко бьется мое сердце, я повернула ручку двери с номером один.

Внутри обнаружилась огромная, зловещего вида, чугунная ванна, рядом с ней на стене висело зеркало в плоской раме, а воздух здесь сильно пропах плесенью.

Я представила себе, как Скарлет появляется в этой комнате и проходит прямо сквозь меня к ванне. Когда нам было лет по пять, Скарлет любила потихоньку забраться в ванну, чтобы плескаться в меня оттуда мыльной водой. Только в нашей ванной всегда было тепло и светло, не то, что здесь. Итак, Скарлет пришла. Куда она спрячет очень важные для нее и

меня записи, зная, что настали последние дни ее жизни?

– Где мне искать, подскажи, Скарлет, – прошептала я, сглатывая подкативший к горлу комок.

Я подошла к зеркалу, провела пальцами по холодному стеклу, проверяя, нет ли за ним пустого пространства. Нет. Зеркало плотно, без зазора привинчено к стене.

Я огляделась по сторонам. В ванной вырванных страниц быть не может, там они давным-давно размокли бы. Рядом с ванной их тоже не может быть. Значит, остается только одно место – под ванной.

Я пригнулась, пошарила снизу – ничего, кроме шершавого, покрытого капельками ледяной воды, металла.

Ничего. Мое сердце шло ко дну быстрее, чем протараненный айсбергом «Титаник».

И тут до меня словно долетел залиvistый смех Скарлет: «Не угадала! Не угадала!» Ну конечно же! Ведь здесь не одна, а четыре ванны, есть из чего выбирать, верно?

Вторая и третья ванны комнаты оказались такими же пустыми, как первая. К этому времени я в своей ночной рубашке уже успела промерзнуть насквозь.

Войдя в комнату номер четыре, я услышала где-то неподалеку тихий шорох. Остановилась, прислушалась, но шорох больше не повторялся, в тишине раздавался только звук капель, падающих из подтекающего крана. Наверное, это прощуршала мышь. В таких старых домах всегда полно мышей.

Стоп-стоп-стоп! Мышь. А где живут мыши? Правильно, в

норках. Они прогрызают свои норки в плинтусах, в стенах, в полах. А что такое мышьяная нора? Правильно, это прежде всего отличный тайник.

Я пригнулась, принялась ощупывать то место, где водопроводные трубы уходят вниз сквозь пол, и обнаружила вокруг них неровное отверстие в досках, достаточно большое, чтобы можно было запустить в него пальцы.

Я засунула свои пальцы в это отверстие, и они к чему-то прикоснулись. Бумага. Это была бумага!

– Слава тебе, господи! – прошептала я, осторожно сжимая дрожащими руками свое сокровище. Бумажные листы были помяты, покрыты пылью, но на них четко проступали слова, написанные знакомым почерком Скарлет.

И тут я вновь услышала шорох, на этот раз он раздался ближе, чем в первый раз. Я поняла, что мне нужно как можно скорей возвращаться в свою комнату. Я выскользнула из ванной комнаты, осторожно, беззвучно прикрыла за собой дверь и повернулась, собираясь пройти в туалет.

Но дорогу мне перекрыла чья-то фигура.

– Привет, Скарлет, – послышался ехидный голос Пенни. Это она стояла передо мной и скалила в полутьме свои неровные заостренные зубы. – Хотелось бы знать, что ты здесь делаешь посреди ночи?

Помните, я говорила вам о том, что в старых домах полно мышей? Вот одной из таких мышей я сейчас и была.

А Пенни была хищной кошкой, готовой сожрать меня жи-

всем.

Глава седьмая

– Я спросила, что ты здесь делаешь? – нехорошим тоном повторила Пенни.

Я туго смяла бумажные листки в своем кулаке, спрятав руки за спину.

– Я?.. Так... ничего. Просто мне захотелось в туалет, вот и все.

– Врешь, – заявила Пенни, наклоняясь ближе ко мне. – Ты после отбоя шаршишь в ванных комнатах. Придется доложить об этом классной даме. Или, быть может, сразу Лисицу поставить в известность, как ты думаешь?

Она стояла передо мной, как греческая богиня мести – не помню, как ее звали, – сложив на груди руки, грозно нахмурив глаза.

– Но, – протянула я, в то время как мысли бешено крутились у меня в голове, – сама-то ты при этом в неприятности влипнуть не боишься? Ведь и тебе запрещено разгуливать по школе после отбоя, разве не так? – Я заметила промелькнувшую на лице Пенни тень замешательства. – Почему бы нам просто не разойтись по своим комнатам?

Она неожиданно схватила меня за руку, вытянула ее вперед и злобно, словно змея, прошипела:

– Слушай, ты, тля, это моя школа, и нечего мне тут зубы заговаривать, поняла?

Я стояла едва дыша и мысленно благодарила небеса за то, что Пенни схватила меня не за ту руку. Найденные под ванной бумаги я держала в другой.

– Думаешь, раз ты сюда вернулась, то сможешь опять начать все заново, да? – сказала Пенни.

– Э... – в замешательстве протянула я.

– Что ты тут делала? – спросила Пенни, еще сильнее сжимая мне кисть.

Я из последних сил сдерживалась, чтобы не впасть в панику и не заплакать. Наверное, Скарлет на моем месте выдрала бы Пенни клочек ее рыжих волос или лягнула как следует по голени. Не поступить ли и мне точно так же? Нет, не стоит, потому что, судя по ее виду, Пенни завизжит при этом на всю школу, а мне совершенно не нужно, чтобы сюда все учителя сбежались.

Итак, вместо силы я решила применить дипломатию.

– Послушай, Пенни, давай... давай просто забудем об этом, а? Что бы я ни сделала в прошлом, я... э...

– Тебе хорошо известно, что ты сделала, – прервала она меня, запуская в мое запястье свои острые ногти.

– Ладно... – скрипнула я зубами. – Я сожалею об этом. А теперь отпусти меня и больше не задерживай, пока мы тут глотки друг другу не перегрызли.

– Ах, вы только посмотрите на нее! «Сожалеет» она! – сверкнула глазами Пенни. – И это все, что ты можешь сказать?

Я молча смотрела на нее и моргала.

– Ну так и быть, – неожиданно спокойным тоном сказала Пенни. – Только знай, что прощения ты не получила. И если

я замечу, что ты снова что-то затеваешь, долго молчать об этом не стану, не надейся.

Я проследила за тем, как Пенни осторожно выбирается за дверь туалета, в коридор, и потом еще с минуту стояла, приходя в себя. Одну руку я все еще держала за спиной, сжимала в кулаке найденные под ванной странички дневника.

Какой кошмар мне только что довелось пережить!

Я осторожно вышла в коридор, тихо добралась до спальни номер тринадцать. Ариадна спала, накрыв голову подушкой. Хорошо.

Я залезла под одеяло, приложила к стене смятые листочки из дневника и разгладила их.

«Ты непременно столкнешься с девицей по имени Пенни Винчестер. У нее на меня большой зуб, поэтому старайся ДЕРЖАТЬСЯ ОТ НЕЕ ПОДАЛЬШЕ».

Скарлет в своем репертуаре – как всегда, с опозданием.

«Пенни считает себя королевой и попытается командовать тобой. Поставь ее на место. Если честно, больше всего Пенни похожа на ядовитую жабу».

Я улыбнулась, впервые за целую вечность.

«Еще одна девица, с которой держись настороже, – это Надия Сайяни. Она новая подпевала и прихвостень Пенни. Надия выглядит милой и простой, но пусть тебя ее внешность не обманывает, на самом деле это очень богатая и очень умная девчонка, так что совершенствуй свое актерское мастерство. Надия

может стать первой, кто заметит фальшь в твоей игре».

Ну, насчет своего актерского мастерства я была совсем невысокого мнения. По-моему, для того чтобы раскусить меня, особого ума вовсе не требуется.

«Теперь тебе нужно найти оставшуюся часть моего дневника. Никому ее не показывай. Однако кто-то должен узнать правду о...»

О чем? Правду о чем и кто именно должен узнать?

Я посмотрела по сторонам. Неужели выронила еще одну страничку?

Нет, не выронила, да и не могла выронить. Я эти листочки так крепко в кулаке сжимала, что у меня даже пальцы онемели.

Значит, нужно искать следующий ключ? Скарлет, будь она сейчас здесь, наверняка подняла бы меня на смех и назвала бы дубиной. Тупицей, которая не может догадаться о том, где спрятаны остальные странички, хотя это очевидно!

И правду о чем должен узнать этот загадочный «кто-то»?

Я аккуратно засунула листочки под кожаную обложку дневника, опустилась на четвереньки, запихнула дневник внутрь матраса, выбралась назад и залезла в кровать.

На второй кровати громко посапывала Ариадна, и эти звуки напомнили мне о том, что уже очень поздно. Скоро настанет новый день. День, на протяжении которого я буду бездарно изображать свою сестру-близнеца. День, на протяже-

нии которого я каждую минуту буду ждать, что меня разоблачат.

Еще один день без Скарлет.

Я накрыла голову подушкой и попыталась заснуть, а у меня в голове все крутились, крутились последние слова Скарлет.

* * *

В понедельник в семь утра нас разбудил пронзительный звонок. Я пришла на завтрак, чувствуя себя неловко в школьной форме Скарлет, села за стол напротив миссис Найт, без умолку болтавшей что-то о своих любимых цветках, рододендронах. Пенни в мою сторону не смотрела, и я надеялась, что у нее хватило ума никому ничего не рассказывать о событиях вчерашней ночи.

Потом нас согнали на собрание, где мы сначала хором прочитали молитвы, а затем выслушали мисс Фокс, которая долго зудела нам о школьных правилах. Всевозможные правила она любила явно сильнее, чем людей, этих правил были сотни, и я с тоской понимала, что никогда не запомню их все, даже за двести лет.

Первым уроком сегодня была история. К счастью, Ариадна успела еще вчера выучить и наше расписание, и расположение классов на плане школы, поэтому мне оставалось лишь следовать за ней, ни о чем не думая.

– Ты сильна в истории, Скарлет? – спросила на ходу Ариадна. – Это мой любимый предмет.

Скарлет в истории была полный ноль, я же очень хорошо запоминала всевозможные имена и даты.

– В принципе, так себе, – бесцветным тоном ответила я.

– А знаешь, мой прапрадедушка участвовал в войне с Наполеоном, – с гордостью объявила Ариадна.

Я сделала вид, что мне это очень интересно, однако думала всю дорогу о своем, о том, как я буду выглядеть перед взрослыми, которые знали Скарлет, – перед ее учителями. Интересно, заметят они, что я не настоящая Скарлет?

Мы добрались до своего класса, вошли внутрь, и только тут я сообразила, что не знаю, какое место обычно занимала Скарлет.

Другие девочки расходились по классу, садились за парты, а я чувствовала себя белой вороной в их стае. Так куда же мне сесть?

– В чем дело, Скарлет? – раздался манерный мерзкий голос, который мог принадлежать, разумеется, только Пенни. – Ты что, дома мозги оставила?

По классу прокатились смешки, а мои щеки моментально покраснели. В этот момент рядом с доской с грохотом распахнулась дверь подсобки, и в густом облаке меловой пыли в класс вошла кашляющая седая женщина с тряпкой для вытирания с доски в руке.

Она помахала рукой, разгоняя пыль, положила тряпку в

деревянный желобок на нижнем краю доски, в последний раз кашлянула и недовольным тоном сказала, указывая прямо на меня своим дрожащим пальцем:

– Скарлет Грей!

– Да, мисс? – ответила я, стараясь скрыть охвативший меня страх.

– Я для вас не «мисс», а мадам Лавлейс, грубиянка вы такая! Почему вы не за своей партой?

– Что-то не соображу. В классе перестановку не делали, случайно?

За моей спиной снова послышались смешки.

– Вы! – вспыхнула мадам Лавлейс. – Вы кто такая?

«Кому это она? – мелькнуло у меня в голове. – Это она мне? Конец игры?» Но тут я обернулась и увидела Ариадну, она с самым что ни на есть глупым видом торчала прямо у меня за спиной.

– Э... я новенькая, меня зовут Ариадна, – сказала она.

Мадам Лавлейс тяжело вздохнула, затем буркнула, указав пальцем на свободную парту в переднем ряду.

– Садитесь. Обе.

Я поспешила усесться, куда мне сказали.

– А теперь, девочки, – сказала наша учительница, безуспешно пытаясь отряхнуть мел со своего платья, – откройте парты и выньте свои ручки. Сегодня мы будем изучать битву при Ватерлоо.

Крышка моей парты была изъедена жучками-древоточца-

ми, украшена маленькой медной цифрой «четыре» и, как водится, многочисленными царапинами.

Я подняла ее, и на меня хлынул запах чернил и бумаги, смешанный с ароматом знакомых до боли цветочных духов.

Скарлет. Этими духами с ароматом розы она пользовалась несколько последних месяцев, с тех пор как их подарили ей на Рождество.

Я оглянулась по сторонам, проверяя, почувствовал ли этот аромат роз кто-нибудь кроме меня. Нет, кажется, никто. Все мои одноклассницы с сонным видом сидели за своими партами и откровенно клевали носом. Мадам Лавлейс принялась тем временем скучным тоном зачитывать по учебнику параграф о сражении при Ватерлоо между Наполеоном и герцогом Веллингтоном. Монотонное чтение на несколько секунд прервала Ариадна. Она подняла руку и громко объявила:

– Мой прапрадедущка участвовал в войне с Наполеоном!

– Очень хорошо, очень хорошо, – равнодушно откликнулась мадам Лавлейс и продолжила урок.

Я заглянула в парту. В ней лежала книга в тусклом переплете, на котором такими же тусклыми буквами было написано: «История Великобритании». Я вытащила ее.

– А теперь, – сказала мадам Лавлейс, – откройте ваши учебники на странице пятьдесят три и найдите список известных исторических личностей, участвовавших в битве при Ватерлоо. Запишите их имена, потому что вы должны

будете знать их наизусть.

Сидевшая позади меня Пенни негромко хихикнула.

Я открыла учебник – запах духов Скарлет стал еще сильнее. Такое впечатление, что она надушила все страницы в учебнике. Я покосилась на сидевшую сбоку от меня Ариадну, увидела, что она наморщила свой мышиный носик, и тогда я захлопнула надушенный учебник.

– Мисс Грей! – прогремел голос мадам Лавлейс.

– Да?

– Да, мадам, – поправила она меня. – У вас какие-то проблемы с вашим учебником?

– Нет, мадам.

– Тогда прекратите вертеться и привлекать к себе внимание!

Остаток урока меня мучили мысли о духах. Зачем Скарлет принесла их с собой в класс? Почему не пожалела их на то, чтобы надушить страницы дурацкого учебника истории?

В десять часов прозвенел звонок, и все ученицы потянулись к выходу из класса. Мне же нужно было срочно придумать причину, чтобы задержаться.

– Мадам Лавлейс! – обратилась я.

– Да, мисс Грей? – откликнулась она, глядя на меня сквозь очки в толстой роговой оправе.

– Позвольте, я вытру для вас доску?

Мадам Лавлейс посмотрела на меня так, словно я предложила нечто неслыханное, например плюнуть ей в чай.

– Вы что-то замышляете, мисс? – прищурилась она. – До сих пор Скарлет Грей, которую я знаю, нельзя было заставить вытереть доску даже под страхом выволочки!

Это провал! Она может рассказать об этом Лисице, и тогда... Ничего, ничего. Спокойнее. Я лихорадочно придумывала, что бы такое мне сказать, и, кажется, придумала.

– Знаете, мадам Лавлейс, я после болезни решила начать жизнь с нового листа. – Я сглотнула и осторожно продолжила: – Я не должна вести себя так, как прежде. Так что простите и позвольте мне сделать что-нибудь хорошее для вас.

Честно сказать, я опасалась, что мадам Лавлейс встанет сейчас, ткнет в мою сторону своим костлявым пальцем и завопит о том, что я самозванка. Чтобы Скарлет извинялась перед кем-нибудь? Да никогда! Она понятия не имела, что это такое – просить прощения!

Однако мадам Лавлейс не вскочила с места и визжать не принялась. Вместо этого она несколько раз моргнула, а затем спокойным тоном сказала:

– Очень хорошо. Не забудь потом вымыть тряпку. Ненавижу меловую пыль. – Она кашлянула. На самом деле ей приспичило кашлянуть или она сделала это для того, чтобы подчеркнуть свою ненависть к меловой пыли, не знаю, утверждать ничего не могу. – Получишь за это поощрительные баллы.

Я кивнула, хотя понятия не имела, что это за поощрительные баллы.

Мадам Лавлейс вышла из класса, и я подняла тяжелую крышку парты. Под тем местом, где лежал учебник, обнаружилось несколько листов бумаги и тоненькая зелененькая тетрадка – сборник контрольных упражнений. Все они пропахли духами Скарлет. Я сдвинула их в сторону – показалась маленькая металлическая крышечка. Я приподняла ее, под ней открылось углубление, а в нем чернильница, несколько старых, заржавевших стальных перышек для письма и – внимание! – сложенный в несколько раз листочек бумаги.

Я схватила его, развернула и сразу же выхватила глазами первое написанное на нем слово.

«ней»

Ней? У меня в голове немедленно всплыла последняя строчка из дневника Скарлет. *«Однако кто-то должен узнать правду о... ней».*

Что ж, теперь встает вопрос – кто же такая она?

Глава восьмая

«Однако кто-то должен узнать правду о ней. И о том, что на самом деле происходит в этой школе, иначе Фокс одержит верх.

Я знаю, что ты можешь сделать это, Айви. Я верю в тебя.

*Твоя сестра,
Скарлет.*

Р. С. Это последняя соломинка»

Я смахнула со щеки слезинку. Почти всю свою жизнь я либо бесилась от злости на Скарлет, либо таскалась за ней как собачонка. Но теперь мне не хватало ее как никогда.

Я аккуратно сложила бумажку и спрятала ее в кармашек своего платья, продолжая сидеть в тишине пустого класса, глядя в глубину пропахшей розовыми духами парты Скарлет. Потом до моего сознания дошло тиканье часов, и я поняла, что до начала следующего урока осталось всего две минуты.

Я подняла взгляд на классную доску. Она по-прежнему была полностью покрыта написанными мелом именами и датами! Я схватила со стола мадам Лавлейс пыльную сухую тряпку и принялась лихорадочно стирать с доски. Меловая пыль забивала мне нос, я с трудом сдерживалась, чтобы не чихнуть. Результат моих трудов оказался плачевным – теперь вся доска была покрыта ровным слоем размазанного мела. Ну и правильно. Чего еще ожидала мадам Лавлейс от такой грубиянки, как Скарлет?

Я в последний раз взглянула на доску, поспешила к выходу из класса, и тут у меня за спиной раздался робкий голосок.

– Скарлет!

Я обернулась и увидела Ариадну, она стояла, привалившись спиной к стене.

– Ты что, была здесь все это время? – озадаченно спросила я.

– Тебя ждала, – ответила Ариадна, разглядывая свои туфли.

Упс! А я-то думала, никто не видит, что я там за партой делаю.

– Э...

– А что ты там делала? – спросила она.

Я провела рукой у себя по волосам, чтобы выиграть немного времени, потом ответила:

– Ну-у, мне захотелось как бы слегка поладить с мадам Лавлейс, вот я вызвалась вытереть для нее доску.

Ариадна сконфузилась, а потом внезапно занервничала.

– Сейчас будет звонок на урок домоводства! Это в классе В-3, правильно? Комната номер три в Восточном крыле?

– Ну да, – ответила я. – Давай, сама показывай дорогу, чтобы лучше ее запомнить.

Ариадна кивнула и деловито засеменила вперед, потряхивая своим закинутым на плечи кожаным ранцем. Я двинулась за ней, надеясь, что мы идем в нужном направлении, и

крепко сжимая лежащую в кармане платья сложенную страничку из дневника.

Остаток утра я провела словно в тумане. Пыталась оставаться равнодушной на всех уроках, даже если на них рассказывали интереснейшие вещи, например, про Исаака Ньютона и закон всемирного тяготения, или учили делать прелестные кружевные салфеточки на уроке домоводства. Во время ланча я ни разу не посмотрела в сторону Пенни, пытавшейся прожечь меня своим взглядом. К полудню я устала быть Скарлет и с трудом припоминала, чем я занималась большую часть времени. Думала я только об одном – о письме своей сестры.

А потом пришло время последних на сегодня занятий. Спортивных.

Мисс Фокс выстроила нас всех внизу, в холле, и мы стояли, щурясь на бьющее в окна солнце.

– Теперь, девочки, – своим обычным резким тоном начала мисс Фокс, – как всегда в начале нового учебного года, вам нужно выбрать, каким видом спорта вы будете заниматься. Выбирать можно между плаванием, верховой ездой, хоккеем, волейболом и балетом. Тем из вас, кто не обладает данными для занятий спортом, – тут она остановилась перед одной очень крупной девочкой и начала осматривать ее с головы до ног, как корову на рынке, – я рекомендую записаться в какой-нибудь командный вид спорта. Уверена, что в коман-

де вам найдут какое-нибудь место на поле.

Крупная девочка еще ниже опустила голову, я же почувствовала себя неловко и вцепилась пальцами в форменную юбку. Впрочем, что уж тут скрывать, я была рада тому, что на этот раз внимание мисс Фокс обращено не на меня, а на другую ученицу.

– Запишите свои имена в списки и идите каждая в свой класс, – распорядилась мисс Фокс.

Я сразу же подумала о своих завернутых в пергаментную бумагу пуантах. Я не танцевала с тех пор, как умерла Скарлет, и хотя всегда страшно начинать все сначала, выбора у меня все равно не было. Скарлет по-любому записалась бы в балет.

Итак, я направилась в тот угол холла, где уже собралась группа стройных изящных девочек, но прежде чем мне удалось добраться туда, появилась мисс Фокс и прошипела, схватив меня за руку:

– Полагаю, вы выбрали балет, мисс Грей?

– Да, – ответила я. – У меня есть способности к балету, мисс, и я уже несколько лет занимаюсь танцами.

Мисс Фокс кивнула, окинула меня ледяным взглядом, но сказать больше ничего не успела, потому что рядом с нами появилась новая учительница – высокая, широкоплечая, с короткой стрижкой – и начала громко рассказывать мисс Фокс о том, что ее группе не хватает хоккейных клюшек для занятий.

Я посмотрела в тот угол, где собрались хоккеистки, и очень удивилась, заметив среди них Ариадну. Увидев меня, она пожала плечами, а я помахала ей рукой. Бедная Ариадна! Я при всем желании не могла представить ее на хоккейной площадке – что она там будет делать?

Я же присоединилась к девочкам из балетной группы. Напомнила самой себе, что меня зовут теперь не Айви, а Скарлет, достала перьевую ручку и записала на листе бумаги свое имя, украсив подпись шикарным росчерком. Хотелось надеяться, что никто не обратил при этом внимания на то, что расписывалась я левой рукой, а не правой, как моя сестра.

Когда после этого я подняла голову, оказалось, что все девочки из балетной группы смотрят на меня.

– Скарлет, – сказала одна из них, смуглая, с большими и темными, как у козули, глазами. Интонация, с которой она произнесла имя моей сестры, не была ни приветственной, ни вопросительной – просто констатация факта, и ничего больше.

– Привет? – осторожно ответила я.

Все остальные девочки, кроме смуглой, захихикали, отвернулись и принялись перешептываться друг с другом. Некоторые из них уже успели стянуть свои волосы в тугий хвостик, отчего их лица заострились и приняли несколько странное выражение.

– Все собрались? – послышался за моей спиной голос.

Я обернулась и увидела женщину, которая выглядела та-

кой юной, что вполне могла бы сойти за ученицу.

На женщине были надеты черное трико, длинная белая атласная юбочка и белая атласная лента на голове. Волосы у нее были рыжеватыми, но не жесткими и вьющимися, как у Пенни, а мягкими и более светлыми, почти как у блондинки.

– Да, мисс Финч, – ответила девочка с глазами косули.

– Значит, почти та же группа, что была в прошлом году. Хорошо, девочки, идите переодеваться, а потом увидимся с вами в классе. – Она улыбнулась, и от ее улыбки у меня стало теплее на душе.

Я поспешила в свою комнату, чтобы переодеться. Когда я начала расправлять туго обхватившее мои ноги розовое трико, у меня возникло такое чувство, будто я, втайне ото всех, вновь становлюсь самой собой.

Балетный класс был одним из немногих мест, которые я запомнила по карте, которую дала мне мисс Фокс. Он находился внизу, в школьном подвале, и я спустилась туда по петляющей лестнице.

В классе было холодно, а освещался он не современными электрическими лампами, но зажженными газовыми светильниками. Внутри класс был похож на все балетные классы – деревянный пол, на стенах зеркала, вдоль них тянутся перекладины балетного станка. Я вздрогнула, увидев в зеркале свое отражение – с поднятыми вверх и туго завязанными волосами я стала еще сильнее похожа на Скарлет.

Все остальные девочки уже разогревались у станка, вы-

полняя знакомые мне растяжки и приседания. Я пристроилась в дальнем углу класса, надеясь, что не буду там привлекать к себе внимание.

Я тщательно завязала ленты на пуантах, а затем начала разминаться вместе со всеми.

До чего же приятно было заняться, наконец, чем-то таким, что тебе знакомо и понятно. Если бы только при этом не видеть так часто отражение своего лица! И я продолжила разминку, стараясь не поворачивать голову в сторону зеркала.

А потом в классе прозвенела громкая высокая нота. Ее взяла мисс Финч, сидевшая в углу за маслянисто блестящим черным роялем. Выглядел этот рояль совершенно новым и, судя по всему, ужасно дорогим.

— Рада была увидеть, что никто из вас не забыл, как нужно разогреваться перед занятием, — сказала она. — Приношу извинения за холод в классе, но что поделать, здесь, в подвале, очень плохо греются батареи центрального отопления.

Кое-кто из девочек потирал ладони и обнаженные плечи, у меня самой все руки покрылись гусиной кожей.

— Но делать нечего, — продолжила мисс Финч. — Подойдите к станку и продолжайте разминку.

Мы все начали повторять у станка плие и тандю, а мисс Финч какое-то время перебирала лежавшие на рояле ноты, а затем ускользнула в заднюю комнатку.

— Теперь отойдите от станка, — сказала она, возвратившись в класс. Мы все перешли на середину класса и продолжили

свои упражнения здесь, а мисс Финч расхаживала между нами, время от времени поправляя кому-то положение руки, кому-то ноги.

Я очень давно не занималась, и это давало о себе знать. Мышцы горели огнем, суставы щелкали, но мое тело, как я убедилась, ничего не забыло, прекрасно помнило все движения.

Потом мисс Финч объявила, что мы переходим к адажио, и начала показывать последовательность па, или движений. Двигалась мисс Финч быстро и грациозно, однако я заметила, что она слегка подволакивает правую ногу. И когда просто ходит, то тоже едва заметно, но прихрамывает на нее.

От нашего дыхания и горящих газовых светильников в классе стало теплее, шорох балетных туфель по полу приятно успокаивал нервы, все девочки были заняты делом, и им было не до того, чтобы перешептываться обо мне, то есть о Скарлет, конечно же.

Затем мы перешли к аллегро, это самая быстрая часть танца, в которой много шажков, прыжков и стремительных поворотов. Аллегро я всегда любила больше всего, поэтому повторяла движения с удовольствием, несмотря даже на ноющую боль в ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.